

A movie poster for the film 'The Wolf and the Flame'. The top half features a close-up of a woman's face with long, light-colored hair, looking upwards. The background is dark with falling orange sparks and a silhouette of a city skyline, including the Eiffel Tower. The title 'ШЕЩЕЛ И ПЛАМЯ' is written in large, glowing orange letters across the middle. The name 'КИРА ЛИХТ' is at the bottom in white, with the tagline 'ОБРЕЧЬ МИР НА ГИБЕЛЬ РАДИ ЛЮБВИ' below it. Orange floral motifs are in the bottom right corner.

ШЕЩЕЛ И ПЛАМЯ

КИРА ЛИХТ

ОБРЕЧЬ МИР НА ГИБЕЛЬ
РАДИ ЛЮБВИ

Кира Лихт
Пепел и пламя
Серия «Young Adult.
Романтическое немецкое фэнтези»
Серия «Книга богов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67047126

Пепел и пламя: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-163908-2

Аннотация

«Пепел и пламя» – продолжение книги «Золото и тень». Вторая часть дилогии под названием «Книга богов». Новое романтическое немецкое фэнтези о древнегреческих богах, живущих в центре Парижа. История обыкновенной шестнадцатилетней девушки, которая неожиданно понимает, что она нимфа и может разговаривать с растениями. Ей предстоит многое пройти: отказаться от прошлого, принять настоящую себя, и даже бросить вызов самим богам. Книга понравится всем, кто любит творчество Дженнифер Бенкау, Авы Рид, Мары Вульф и Юлии Диппель.

Говорят, в мире богов нимфы не играют большой роли. Но Ливия собирается доказать, что с нимфами лучше не связываться.

Маэль заточен в тюрьму на горе Олимп и ожидает суда за преступление, которого не совершал. Ради спасения возлюбленного Ливия соглашается принять помощь Энко, брата Маэля. Она готова бросить вызов самим богам. Теперь на кону не только жизнь Маэля – под угрозой будущее всего человечества.

«Фэнтези, которое поражает воображение и вызывает легкое головокружение». – Сюзанна Флейшер

Книга понравится всем, кто любит творчество Дженнифер Бенкау, Авы Рид, Мары Вульф и Юлии Диппель.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	49
Глава 3	102
Глава 4	153
Глава 5	172
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Кира Лихт

Пепел и пламя

Kira Licht

STAUB & FLAMMEN

STAUB UND FLAMMEN – DAS ZWEITE BUCH DER
GÖTTER

© 2019 Bastei Lübbe AG, Germany

© А. Зубарева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2022

Глава 1

День за днем

Осень наступила за одну ночь. Мрачные облака плотным одеялом накрыли Париж, резкий порывистый ветер принялся срывать с деревьев первые пожелтевшие листья. Температура опустилась градусов на десять, если не больше. Если еще вчера сады и парки светились, то теперь природа словно приуныла, помрачнела – казалось, ее лишили красок. Стоило покинуть дом, как из-за моросящего дождя становилось мокро и холодно. Сама погода, казалось, вторила моему тоскливому настроению.

Джиджи легонько похлопала меня по плечу, но я продолжала смотреть в окно. Половина девятого, а никак не рассветет... Стоявшая у доски миссис Левицки рассказывала об особенностях английской литературы, но слушать ее я перестала сразу после приветствия. Не могу сконцентрироваться. Все мысли занимают события последних двадцати четырех часов. Маэль тяжело ранен, и я понятия не имею, что с ним. Как он пережил эту ночь и пережил ли вообще? А я ничем не могу ему помочь! Собственное бессилие разрывает изнутри. Я засыпала Гермеса сообщениями, но посланец богов меня игнорирует. Мои сообщения остаются непрочитанными. Даже те, которые я отправила с телефона Маэля

– того самого телефона, который нашла в катакомбах возле лужи его крови.

Вздвогнув, я поплотнее закуталась в вязаный кардиган. Джиджи переместила руку мне на спину и принялась успокаивающе поглаживать. Я тяжело сглотнула – такое ощущение, словно рот набит ватой.

– На, выпей, – сказала Джиджи и пододвинула ко мне крышечку-кружку от термоса. Ее содержимое заплескалось, подбираясь опасно близко к краям. – Тебе полегчает.

Обеими руками обхватив дымящуюся кружку, я принялась. Мальвовый чай, щедро сдобренный медом. Джиджи хорошо меня знает. Я сделала глоток и на мгновение прикрыла глаза. Мед. Знакомый вкус тягучей сладости, обладающий целительными свойствами, тут же придал мне сил.

Я с улыбкой повернулась к Джиджи:

– Спасибо.

– Поверь, Ливия, мы все исправим, – отозвалась Джиджи, не переставая гладить меня по спине. Она говорила шепотом – из-за миссис Левицки, все еще стоявшей у доски, – но, несмотря на это, ее слова были полны уверенности, а карие глаза горели решимостью. Джиджи сидела с идеально прямой спиной и серьезно смотрела на меня. Я была тронута до глубины души. Сегодня утром мне хотелось остаться дома, сказавшись больной. О сне в эту ужасную ночь не могло быть и речи: я снова и снова писала Гермесу, а в перерывах – плакала навзрыд. Но после долгих раздумий я решила как ни в

чем не бывало пойти в школу. Дома я бы с ума сошла. Ну а теперь убедилась в том, что правильно сделала. Я, как никогда, нуждаюсь в своих подругах! Мой взгляд упал на Джемму, она сидела справа от Джиджи, с любопытством подавшись вперед. У нее на лице читалось беспокойство, как и у Джиджи. Пока девочки со мной, я не одна. Они поддержат меня, помогут и не позволят сойти с ума от тревоги.

Эванджелина прижалась ко мне, и я машинально накрыла рукой ее хрупкое тельце. Гигантская бабочка завертелась на месте, словно что-то обдумывая, и я почувствовала прикосновение ее маленьких лапок. После исчезновения торговца я, можно сказать, «удочерила» Эванджелину, о чем ни на секунду не пожалела. Конечно, мне приходится скрывать ее от окружающих, из-за чего самые простые повседневные занятия – такие, как уроки физкультуры, – иногда становятся настоящим испытанием, но, по моему мнению, оно того стоит. Эванджелина, как и Джемма с Джиджи, за короткое время стала мне близкой подругой. Она – бабочка, отличается большим размером и не говорит ни слова, но я не могу представить свою жизни без нее. Когда мне угрожала опасность в катакомбах, она тут же отправилась к Эдипу за помощью. Я никогда этого не забуду. Я снова провела пальцем по выпуклости под кардиганом и подумала: «Все хорошо, малышка. Как же здорово, что ты со мной!» В ответ Эванджелина прижалась ко мне плотнее.

Я подняла глаза на доску – так, для галочки, – и в ту же

секунду миссис Левицки резко обернулась, сложила руки и, недобро улыбнувшись, сказала:

– Вообще-то вы уже слишком взрослые, чтобы проверять вас... Но сегодня я сделаю исключение. В конце концов, на следующей неделе вас ждет контрольная. – Миссис Левицки оглядела класс и поинтересовалась: – Кто-нибудь хочет зачитать свою домашнюю работу? Не стесняйтесь! Если доброволец не найдется, то я сама кого-нибудь выберу.

Домашняя работа?! Я совсем о ней забыла! Даже не помню, что нам задавали... Какое-нибудь эссе? Изложение по разделу из учебника? Или даже написать, как понимаешь прочитанное?

Миссис Левицки остановила взгляд на мне.

«Нет! – принялась мысленно умолять я. – Пожалуйста, не вызывайте меня. Только не сегодня!»

Миссис Левицки открыла рот, а я посмотрела прямо на нее и подумала: «Отвернитесь. Отвернитесь. Пожалуйста, отвернитесь».

Застыв, миссис Левински посмотрела куда-то мимо меня.

– Мисс О’Мэлли, – объявила она слащавым и насквозь фальшивым тоном. – Не окажете ли нам любезность?

Я торопливо взглянула на Джиджи, но та не выглядела ни капли обеспокоенной.

– Конечно, – коротко отозвалась она, раскрыла перед собой тетрадь и начала читать.

Меня охватило облегчение. Оценки Джиджи по всем

предметам колеблются между четверкой и пятеркой. Наверное, она сделала домашку еще до того, как отправилась вчера в кафе на встречу с Джеммой.

Ну и отлично, успокоила я себя. Меньше всего мне хотелось подставлять подругу. Может, миссис Левицки тронул мой жалостливо-умоляющий взгляд, а может, это просто совпадение...

Во время обеда мы с Джеммой и Джиджи устроили военный совет. О том, что случилось в катакомбах, я во всех подробностях рассказала девочкам еще вчера, когда они провожали меня домой. Энко с Эдипом тем временем посвятили ошарашенного Ноа в нашу тайну.

Джемма встретилась с Ноа чуть позже – узнать, как он воспринял эту информацию. По ее словам, Ноа выглядел «выбитым из колеи, но истерика ему не грозила». Джемма явно сочла это хорошим знаком, и я не стала вдаваться в расспросы.

И вот теперь мы с девочками сидим в столовой, в самом углу, за маленьким столиком на троих, и никто из нас не знает, с чего начать.

Обычно жизнерадостная Джиджи вела себя на удивление тихо, она выглядела уставшей. А вот Джемма – наш островок спокойствия, – напротив, выглядела взволнованной и, казалось, не знала, куда деть руки. Проигнорировав приглушенное урчание в животе, я снова оглядела своих подруг. Не мне одной пришлось через многое пройти, девочки тоже были

потрясены недавними событиями и их жестоким исходом.

– Тебе стоит что-нибудь съесть, – нарушила молчание Джемма и кивком указала на стоящую передо мной пустую тарелку.

– Не хочу... – ответила я и с горестным вздохом уронила голову на скрещенные руки. – Необходимо что-нибудь придумать. Пусть кто-нибудь притащит сюда за уши Гермеса, у меня к нему столько вопросов! Я должна узнать, что с Маэлем! Кроме того, нужно придумать, как его оправдать, ведь он невиновен! Но больше всего мне сейчас хочется забиться в уголок и поплакать. Когда мне думать о еде?

– Сейчас, раз уж я напонила, – ответила Джемма. – Уверена, после того, как кровь доставит в мозги питательные вещества, соображать станет куда легче.

Я снова вздохнула:

– Твои слова звучат крайне разумно, но я сейчас не в состоянии прислушаться к разуму.

При взгляде на длинную очередь к раздаточной стойке я почувствовала явную тревогу. Стоявшие в ней ученики толкались, смеялись и непринужденно переговаривались. Мысль о том, чтобы оказаться в этой жизнерадостной толпе, вызывала ужас.

– Хочешь, я возьму тебе спагетти с сыром? – поинтересовалась Джемма.

Я с благодарностью кивнула.

– Я быстро, – улыбнулась Джемма, вставая.

Когда она ушла, я виновато посмотрела на Джиджи, которая увлеченно жевала бутерброд, пахнувший грецкими орехами и корицей. Хлеб покрывали слой белой пасты и дольки клубники.

– Что это у тебя?

– Десерт, – ответила Джиджи, протягивая мне бутерброд. – Мне захотелось чего-нибудь сладкого. – Она пожала плечами. – Ореховый хлеб с клубникой и миндальным кремом. Им хорошо заедать стресс.

С этими словами она улыбнулась, отломил кусочек и протянула мне.

– Спасибо, – сказала я и засунула его в рот. Хлеб был свежим и ароматным, а сладкий вкус клубники хорошо гармонировал с миндальным кремом. Сочетание было необычным, но восхитительным – как и во всех кулинарных выдумках Джиджи. Я вспомнила ее изобретение, которое попробовала первым: пудинг из чиа с пихтовым медом. Никогда не забуду его вкус. С тех пор я испробовала множество разнообразных кулинарных творений, созданных Джиджи, и мой прежний скептицизм сменился восторгом. Джиджи невероятно изобретательна, она вкладывает в готовку столько сил, что это не перестает удивлять. Кроме того, она готовит исключительно из экологически чистых продуктов, потому ее блюдами можно наслаждаться с чистой совестью.

– Очень вкусно, – сказала я.

– Спасибо! – просияла Джиджи.

Похоже, Джемме каким-то чудом удалось протиснуться к стойке без очереди, потому что уже через несколько минут она вернулась с нашими спагетти.

– Вы только представьте! – воскликнула она, сунув мне под нос тарелку и столовые приборы. – Мелисанда, ну, старуха за кассой, спросила, не беременна ли я, раз взяла две порции. Очередь за мной тут же замолчала. Видимо, в школе появится новая сплетня. Интересно, когда кто-нибудь из учителей спросит меня об этом? – Захихикав, Джемма упала на стул. – В общем, я объяснила мадам Мелисанде: мол, вторая порция предназначается моей подруге Ливии Маккензи. Бедняжка так подавлена, что не может позаботиться о себе. Тогда Мелисанда принялась рыться в карманах фартука. Я думала, старуха вытащит тест на беременность или что-нибудь такое, но она бросила на поднос конфетку и сказала: «Это поможет ей собраться с силами». А потом прогнала, не взяв у меня денег. Видимо, она думает, что немного сахара и кофеина сделают тебя счастливой. – Джемма откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и задумчиво нахмурилась. – Мне кажется или с каждым днем наши кухарки становятся все безумнее и безумнее?

– Спасибо за спагетти.

Я была рада, что Джемма спасла меня от встречи с мадам Мелисандой и другими кухарками. Они такие странные, и если начистоту, то я их даже побаиваюсь – не так, как Аида, конечно. Просто из-за их причуд становится не по себе.

Взгляд упал на конфету, и в следующее мгновение сердце у меня забилося с удвоенной силой. Обертка была простой, прозрачной, но логотип я узнала сразу. Мне показалось, будто я переместилась на несколько недель в прошлое. Перед глазами встало улыбающееся лицо Маэля, протягивающего мне упаковку леденцов со вкусом колы. Надпись на упаковке, стилизованная под старинный шрифт, понравилась мне сразу. И вот я снова вижу этот приметный логотип. Намного меньше, но я никак не могла ошибиться. Это та же марка, та же прозрачная упаковка, тот же запах – кола. Конечно, это дурацкое, нелепое совпадение... но оно стало последней каплей. Это уже слишком. Я и опомниться не успела, как глаза наполнились слезами. Я резко вскочила, чуть не опрокинув стул, зажала рукой рот и бросилась прочь. Джемма тоже вскочила, Джиджи удивленно вскрикнула, но я думала только о том, что хочу убежать отсюда. Из-за слез перед глазами все расплывалось, и я вслепую, положившись на память, добралась до уборной. Мне было плевать на одноклассниц, которые стояли перед зеркалом, проводя по губам помадой, мыли руки и болтали. Мне было плевать, что все увидят мои слезы. Я забежала в единственную свободную кабинку, захлопнула дверь и заперлась.

– Эй, ты в порядке? – через дверь до меня донесся незнакомый голос, и я услышала взволнованные шепотки.

– Да, в порядке, – выдавила я и зажала рот рукавом – чтобы никто не услышал, как я плачу. У меня затряслись пле-

чи, и я испугалась, что Эванджелина упадет, но в следующее мгновение та выползла из выреза моей рубашки и засеменила по шерстяному рукаву кардигана. Залезла на руку, лежащую у меня на коленях, и посмотрела на меня, покачивая усиками. Я была тронута такой заботой, но вместе с тем Эванджелина напомнила мне о Маэле. Обо всем, что мы пережили вместе. Обо всем, что разделили: о приключениях, секретах, надежде спасти Агаду...

Я осторожно погладила Эванджелину по пушистой спинке. Из глаз у меня текли слезы. Что мне делать, если Маэль умрет? Конечно, его божественная душа переродится в другом теле, но для меня он будет потерян. Я его больше не увижу. С одной стороны, я чувствовала облегчение, понимая: Маэль умрет не по-настоящему, но с другой... Мысль о том, что мы никогда больше не увидимся, просто невыносима. Я не могу с ней смириться. Я отказываюсь поверить, что между нами все кончено, что судьба отвела нам так мало времени вместе...

Я замерзла, и Эванджелина обвила длинными усиками мой палец, словно желая взять за руку. Я невольно улыбнулась сквозь слезы и прошептала:

– А ты умеешь утешать.

Эванджелина радостно затрепетала крыльями.

– Ливия?

Голос Джеммы я узнала сразу.

– Ливия? Ты где?

Накрыв Эванджелину ладонью, я крикнула через дверь:

– Я здесь. Дай мне минутку, сейчас я приду в себя и успокоюсь.

– Места получше не нашлось? – недоверчиво поинтересовалась Джемма. Что ж, ее скептицизм был вполне обоснован, учитывая окружающий шум: хлопали двери в другие кабинки, перед раковиной царило оживление. Женский туалет – не то место, где царят тишина и спокойствие. И уж тем более – во время обеденного перерыва.

Я услышала, как Джемма прислонилась к двери.

– Давай выходи. Здесь так «благоухает» дезодорантом и духами, даже удивительно, что ты еще в обморок не рухнула...

После слов Джеммы послышались недовольные возгласы.

– Да ладно, успокойтесь уже, – отозвалась Джемма. – Вы удивитесь, но не всем хочется пахнуть сладкой ватой и лимонадом.

Я невольно улыбнулась.

Подождав, пока в туалете не останется никого, кроме нас, Джемма спросила:

– Что случилось? Почему ты вдруг вскочила и убежала?

– Горизонт чист?

– Мы одни, но это ненадолго. Сама понимаешь – сейчас большая перемена, время обеда, и...

Дверь снова распахнулась, и кто-то поинтересовался:

– Что, все кабинки заняты?

– Нет, все свободны, – ответила Джемма. – Кроме этой. У нас пятиминутка эмоциональной разрядки.

Девушка ничего не ответила, но я предположила, что она понимающе кивнула. В женских туалетах часто прячутся, чтобы поплакать.

– Выходи, – повторила Джемма и легонько постучала в дверь. – Давай поговорим в другом месте.

Из соседней кабинки послышался шум бьющейся о фаянс струи и клацанье набираемого текста.

Я тихонечко вздохнула. Джемма права, отсюда надо выбираться. К счастью, мы с Эванджелиной можем общаться без слов. Я молча указала на свою шею, туда, где бабочка проводит большую часть времени. Эванджелина покачала усиками, забралась мне на руку, заползла под рубашку и устроилась на своем излюбленном местечке.

Я встала и отперла кабинку. Джемма отскочила на несколько шагов, чтобы не получить дверью по лбу, и криво улыбнулась:

– Твои спагетти остынут.

Я невольно улыбнулась в ответ. Как ни старайся, а рядом с Джеммой трудно долго грустить.

Джемма приобняла меня за плечи, и мы вернулись в столовую. Джиджи ждала нас, отложив в сторону свой бутерброд, а это говорило о многом.

– Простите, – сказала я, когда мы с Джиджи расселись по местам. – Все дело в леденце.

Девочки уставились на меня так, словно я заговорила на иностранном языке.

– Все дело в леденце, – повторила я, чувствуя, как в горле снова встал ком. – Маэль угощал меня такими же, я ни с чем их не спутаю. Леденец стал последней каплей. Я не хотела плакать здесь, у всех на глазах, поэтому убежала.

– Что ж, это... дурацкое совпадение, – сказала Джемма. – Но не более того. Просто совпадение. Скорее всего, ты еще не раз с таким столкнешься. Нельзя терять самообладание только потому, что что-то напомнило о Маэле. Ты наверняка поедешь по тому же маршруту, по которому ездила с ним, или встретишь парня с таким же цветом волос. Или...

– Знаю, – перебила я. – Понимаю, к чему ты клонишь. Я и правда хочу взять себя в руки, но все случилось только вчера... Ночью я почти не спала, и тело у меня будто ватное. Кроме того, я взволнована и сбита с толку... Как тут расслабиться? Маэля тяжело ранили, он выглядел просто ужасно! Сами знаете – Аид его отец, а значит, может его убить. Навсегда убить. Но даже если Маэль умрет не полностью, если умрет лишь его тело, то я все равно его потеряю, и... – Я запнулась, голос меня не слушался. – Нам нужно придумать план. Нам срочно нужен план.

– И мы его придумаем, обещаю! – сказала Джиджи, схватив меня за руку. – Мы тебе поможем! Ливия, ты не одна! Кроме нас, у тебя есть Эдип и Энко. И Гермес, который обязательно объявится. А теперь в нашей компании еще и Ноа!

И Афродита с Адонисом – они же тоже обещали помочь? Вместе мы сделаем все возможное, чтобы как можно быстрее освободить Маэля! Я искренне верю, что он еще жив. Между вами есть связь, ты бы почувствовала, если бы он умер.

Я кивнула. Джиджи права. Не сомневаюсь, что почувствую, если Маэль умрет.

Джиджи медленно выпустила мою руку из своей.

– А сейчас надо прислушаться к гласу рассудка, что-нибудь съесть и пойти на уроки. После решим, что делать дальше. Возможно, к тому времени Гермес даст о себе знать. Не думаю, что он стал бы тебя игнорировать, не будь у него веской причины. Скоро мы узнаем, почему он так поступает. А еще можно встретиться с Эдипом. Или с Энко. Странно, что он даже не написал, хотя был первым помощником в очереди!

– Написал, – тихо отозвалась я. – Я пока не ответила.

Девочки наградили меня укоризненными взглядами.

– Ты ведешь себя совсем как Гермес. Это не очень красиво, – заметила Джемма.

– Знаю, я и сама не в восторге, – ответила я и принялась за спагетти с сыром. На вкус они были как солома, и я отложила вилку в сторону. – Давайте пойдем в библиотеку и поищем информацию про Олимп. Может, существует какая-нибудь легенда о том, как туда добраться.

Джемма, которая уже успела прикончить свою порцию спагетти, кивнула. Джиджи закрыла крышкой свой контей-

нер с едой. Я хотела было выкинуть леденец, но потом передумала и засунула его в карман джинсов.

– Хорошо, тогда за дело, – сказала я. – Все, никаких больше нытья и слез!

– Настроение у тебя меняется, как у героини голливудского фильма, – заметила Джиджи, покачав головой.

– Или как у пациентки психушки, – добавила Джемма и засмеялась, уворачиваясь от крошек орехового хлеба, которые я в нее кинула.

* * *

Наши поиски не увенчались успехом. Похоже, за всю историю человечества никто не удосужился записать дорогу на Олимп. Конечно, я была разочарована. Вдобавок ко всему большую часть перемены пришлось потратить на домашку. По политике так вообще задали сочинение, которое я написала кое-как, скомпилировав сочинения своих подруг. Когда я поблагодарила Джиджи с Джеммой за помощь, у меня на глаза снова навернулись слезы. Как же здорово, что у меня такие подруги! Джиджи тоже всплакнула, а Джемма обняла нас обеих.

– Сами знаете, мы – команда психов, – прошептала она.

Нам сразу вспомнилось, как вытянулось лицо Ноа, когда Эдип одним махом раскрыл секрет о том, что я нимфа, Энко – полубог, а Эванджелине три тысячи лет. Мы зашлись

хохотом и не смогли остановиться даже тогда, когда нас выставили из библиотеки.

На протяжении оставшихся уроков я вспоминала об этой забавной ситуации каждый раз, когда на меня накатывали грусть и отчаяние. И вот каким-то чудом мне удалось пережить учебный день.

Наконец вырвавшись на свободу, мы с девочками принялись обсуждать, где и когда встретимся. Стоило выйти из школы, как я машинально посмотрела на другую сторону улицы и резко остановилась. Ощущение дежавю обрушилось на меня словно удар под дых. Энко стоял в том же месте, где стоял Маэль, когда ждал меня из школы. Я с силой сжала губы и испугалась, что вот-вот почувствую на языке привкус крови.

Мои одноклассники узнали Энко сразу – «Гарпии» были на пути к тому, чтобы стать одной из самых популярных рок-групп Парижа. Захихикав, некоторые девчонки схватились за телефоны. Я спряталась за Джеммой, пытаюсь перевести дух.

– Там Энко, – сказала Джиджи, поворачиваясь ко мне. При виде моего лица она помрачнела. – Хочешь, я скажу ему, что ты не желаешь его видеть?

Я покачала головой.

– Нет. Он ведь специально сюда приехал. Думаю, он хочет помочь. А заодно и доказать, что умеет быть милым, не умащая всех безвкусными комплиментами.

– Осознание проблемы – первый шаг к ее решению, – про бурчала Джемма, заслоняя меня собой. – Впрочем, мы говорим о полубоге с бессмертной душой, так что осознание несколько запоздало.

– Он – мужчина, – сказала Джиджи так, будто это все объясняло, и пожала плечами.

Я почувствовала, как уголки губ невольно приподнялись. Что бы я делала без этих двоих и без их метких высказываний?

– Возражение принято, – сказала Джемма, согласно кивая. Тем временем Энко, провожаемый восхищенными взглядами, перешел через дорогу. Стоило ему ступить на тротуар, как к нему бросились фанатки. Я попятилась, пытаюсь полностью спрятаться за Джеммой.

– Не хочешь осчастливить его и присоединиться к толпе фанаток? – с усмешкой поинтересовалась Джемма, оглянувшись на меня.

– Давайте дадим ему еще минутку, – со вздохом отозвалась я.

Джиджи положила голову мне на плечо и сказала:

– Короткие волосы ему к лицу.

Что ж, с этим не поспоришь. Впрочем, что бы Энко ни сотворил со своим внешним видом, он будет производить на окружающих такое же впечатление.

Фанаток вокруг него собиралось все больше и больше. Джемма окинула их оценивающим взглядом и повернулась

к нам.

– Может, притащить сюда стулья и попкорн, пока ждем?

Я невольно рассмеялась.

– Не заморачивайся. Идите, займитесь своими делами. Я подожду, пока уляжется волнение, а потом поболтаю с Энко. Наверное, он злится, что я не ответила на его сообщение, а отповедь я и самостоятельно выслушаю.

– Давай я все-таки останусь с тобой? – нахмурившись, спросила Джемма.

– Нет, – отмахнулась я. – Ты же собираешься встретиться с Ноа. Попробуй привести его в чувство. Думаю, он еще не до конца отошел от вчерашнего. Позаботься о нем. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь еще сошел с ума. Хватит с меня одного Эдипа.

Джиджи захихикала и по-дружески ущипнула меня за руку.

– Эдип и правда произвел фурор своим появлением. Удивительно, как ему удалось так метко описать нашу мифологическую шайку. В тот момент я даже удивилась, что не сошла с ума от всего происходящего.

– Ну ты – крепкий орешек, – ответила я.

Джиджи широко улыбнулась.

– Благодарю. Пообещай, что не позволишь Энко вывести тебя из равновесия.

– Уверена, все будет в порядке.

Джиджи взглянула на экран телефона и сказала:

– Хорошо. Если выдвинемся сейчас, то успеем на следующий поезд. – Она посмотрела на Джемму. – Ну что, пойдём?

Джемма, в свою очередь, повернулась ко мне.

– Дай знать, если тебе понадобится наша помощь. Договорились?

Я кивнула.

– Девочки, вы уже столько всего сделали! Я безгранично благодарна вам за помощь и поддержку. Я напишу, если появятся новости.

Мы обнялись на прощание, а потом девочки направились вниз по ступенькам. Я же подошла к перилам, возле которых, разбившись на группки, тусовались ученики. Меня при всем желании нельзя назвать высокой, поэтому я с легкостью смогу затеряться в толпе. Я решила подождать, пока Энко сфотографируется со всеми своими фанатками. Не хочу, чтобы он подходил ко мне на глазах у всех. Мое положение в школе и так непрочное, не хочу, чтобы одноклассницы позеленели от зависти. Тем более все не так, как кажется! Энко меня не интересуется, во всех смыслах не интересуется, а уж в романтическом – так тем более. Поэтому я оставалась в укрытии, пока фанатки не разошлись.

Оглядевшись по сторонам, Энко вытащил телефон. Тогда я покинула свое укрытие и спустилась к нему по лестнице. Как же непривычно видеть его с короткой стрижкой! С длинными волосами Энко казался эфирным существом, сошедшим на эту землю, а с короткими превратился в красавчи-

ка-студента, которому впору подрабатывать на подиуме. Новая прическа лишала Энко небрежной дерзости, зато подчеркивала черты лица. Становилось ясно, что на самом деле он еще красивее, чем казалось раньше, просто длинные волосы это скрывали.

– Почему ты не отвечала? – спросил Энко вместо приветствия. Он выглядел раздраженным и уставшим, его голос звучал хрипло, как наждачная бумага, а синяки под глазами свидетельствовали о бессонной ночи.

– Привет. – У меня не оставалось ни сил, ни желания спорить, к тому же благодаря Гермесу я прекрасно знала, каково это, когда тебя игнорируют. – Прости. На меня сейчас столько всего навалилось...

Выражение лица Энко сразу смягчилось.

– А ты прости за наезд.

Он опустил взгляд и провел рукой по волосам. Похоже, он и сам еще не успел привыкнуть к короткой стрижке.

– Следовало написать тебе хоть пару слов.

Энко вздернул подбородок, наши взгляды встретились, и у него в глазах я увидела огонь. Тот самый огонь, о котором мне рассказывал Маэль. Всполохи пламени почти скрыли голубую радужку. Энко стиснул челюсти с такой силой, что они хрустнули.

– Ты не отвечала, и я подумал, что он добрался до тебя.

Я сразу поняла, что Энко говорит об Аиде, своем отце и повелителе подземного мира. Вчера в катакомбах я дала

отпор. А еще я разозлила его жену Персефону, когда ходила к ним в гости в царство мертвых. Да уж, пожалуй, на звание любимой невестки можно не рассчитывать.

– Мне очень жаль, я не хотела заставлять тебя волноваться. Я все время провела дома, у себя в комнате. Пыталась связаться с Гермесом. Ничего необычного не произошло.

Энко громко вздохнул. Огонь у него в глазах исчез, как потушенное пламя свечи.

– Нельзя терять бдительность.

Я кивнула. Интересно, получится ли у меня заснуть теперь, когда я знаю: даже Энко беспокоится о том, что его отец будет мне мстить? Выходные не за горами, и я собираюсь провести их дома. У родителей бурная общественная жизнь и снова какие-то планы, чему я очень рада. Мне не улыбается перспектива объяснять, почему у меня заплаканные глаза.

– Я не могу связаться с Гермесом, – сказала я. – Он не отвечает на мои сообщения, и я без понятия, как у Маэля дела. Это сводит меня с ума. Можешь у кого-нибудь узнать, что происходит?

Энко внезапно почувствовал себя неудобно.

– Ливия...

В груди неприятно кольнуло.

– Ты вроде говорил, что хочешь помочь? Если нет, то зачем вообще пришел?

– Я и правда хочу помочь.

Казалось, мои резкие слова его задели, и я тут же о них пожалела. Что происходит, я же совсем не такая! Я не хочу быть такой! Почему веду себя так недружелюбно и невежливо? Почему кидаюсь с обвинениями, когда Энко даже приехал ко мне в школу, чтобы узнать, как у меня дела и почему я не отвечаю на сообщения.

– Прости, – прошептала я, коснувшись его руки. – Я не в себе. Пожалуйста, не обижайся. – Я глубоко вздохнула, стараясь придать своему голосу спокойствия. – Я очень рада, что ты хочешь помочь. У тебя есть какой-нибудь план?

– Я тоже пытался связаться с Гермесом. Маэль когда-то давно дал мне его номер – на всякий пожарный. Думаю, Гермес либо потерял телефон, либо у него неприятности и телефон у него отобрали на Олимпе, либо он игнорирует нас, потому что у него есть дела поважнее.

– Поважнее Маэля?

– Нет, – трезво ответил Энко. – Поважнее статистов, которые не играют никакой роли в судебном процессе над Маэлем.

Я зажала рот ладонью, чтобы не разрыдаться. Вот что Энко думает о Гермесе? О веселом, несколько эксцентричном посланце богов, который всегда был ко мне так добр? Неужели Гермес считает нас «статистами», не достойными хотя бы коротенького сообщения? Мне больно в это верить!

– Есть определенные правила, – продолжил Энко. – Ты слышала о них в катакомбах. Для Гермеса правила превы-

ше всего, и здесь он прав. На правилах держится все наше сообщество. Они довольно строгие и поначалу могут показаться устаревшими, но благодаря им богам удается сосуществовать. Благодаря им сохраняется мир. Тех, кто нарушает правила, наказывают. Даже не можешь представить, какому суровому наказанию они подвергаются! Наши человеческие жизни не имеют значения, они – просто время между началом и концом. Они повторяются снова и снова. Наши человеческие тела – не более чем инструмент. Поэтому если мы нарушаем закон, то, согласно правилам, наказанию подвергается душа – дремлющее внутри нас наследие многих тысячелетий. Олимпийцы не станут убивать Маэля. Суд не закончится, если он умрет от полученных травм. Они накажут его душу. Будут держать ее в плену до тех пор, пока он не отбудет свое наказание.

На глаза снова выступили слезы. Неужели я ничегошеньки не могу сделать?! Неужели эти дурацкие правила будут решать мою судьбу, хотя я не богиня и даже не полубогиня?!

Прищурившись, Энко окинул меня внимательным взглядом.

– У тебя что, новые духи?

Почему он так резко сменил тему?

– Эм-м-м... вообще-то нет. А что?

– Не знаю. На мгновение мне показалось, что...

– Энко! Как здорово, что мы снова встретились! – послышалось сбоку. Я невольно вздрогнула и вжала голову в плечи.

чи, понимая, кто к нам присоединился. Это же Карли, моя «обожаемая» одноклассница! Просто прекрасно.

Энко уставился на Карли, словно пытаюсь вспомнить, знает ли ее.

Карли оскалила зубы в ужасающе широкой улыбке. Она раскачивалась с пятки на носок, и ее грудь колыхалась в такт движениям.

– Я была на твоём концерте в катакомбах, там мы и познакомились. Я – подруга Ливии.

Я чуть не подавилась. Подруга? Какие громкие слова!

Энко кивнул и одарил Карли уверенной улыбкой рок-звезды.

– Вот как. Привет, – сказал он, понизив голос аж на октаву. – Рад встрече.

Карли улыбнулась еще шире, хотя, казалось бы, куда еще! В лучах полуденного солнца ее неестественно выбеленные зубы сверкали, словно лед на солнце.

– И что же привело тебя сюда?

Мы с Энко переглянулись. Мы хотели поговорить наедине, это же очевидно! Но, видимо, не для Карли.

Энко прочистил горло и сказал:

– Ну я хотел забрать Ливию и...

Карли искусственно засмеялась.

– Опять Ливия! Ну естественно. Что вы все в ней находите? – Карли окинула меня беглым взглядом и с застывшей на лице улыбкой повернулась к Энко. – Неужто безбашенный

катафил Маэль Анжу сегодня занят и ты его замещаешь?

От удивления у меня чуть челюсть не отвалилась. С какой стати Карли лезет в мою личную жизнь?! С кем я встречаюсь – это совершенно не ее дело, более того, какое право она имеет рассказывать об этом Энко?!

Энко выглядел таким же недовольным, как и я.

– Да, похоже на то, – ровно сказал он. – Но как это касается тебя?

Карли побледнела под искусным макияжем.

– О, ну, я просто...

– Я могу для тебя что-нибудь сделать, Келли? – раздраженно закатив глаза, поинтересовался Энко. – Хочешь автограф?

– Не Келли, а Карли. – Карли стояла там как облитый пудель. Она явно ожидала совсем другой реакции, когда решила рассказать Энко о том, что мы с Маэлем встречаемся. Она встряхнулась, как собака, попавшая под дождь, и попыталась взять себя в руки. – Нет, спасибо, – сказала она, снова натянув на лицо улыбку. – У меня уже есть автограф. – Потом она жестом указала между мной и Энко. – Значит, вы с Ливией довольны... близки?

Мы с Энко снова переглянулись.

– Да, мы довольно близки, – сказал Энко, скрестив руки на груди.

Я изумленно уставилась на него. Надеюсь, после этих слов Карли не решит, что мы встречаемся!

Карли выгнула бровь. Казалось, она не могла поверить услышанному. Потом внимательно оглядела меня, словно желая убедиться, что речь действительно обо мне, и неопределенно сказала:

– Вот оно как.

– Что ж, нам пора, – Энко натянуто улыбнулся. – Увидимся, Келли. – Ни намек на флирт, пустая вежливость.

– Меня зовут Карли!

Я бросила на нее быстрый взгляд и отвернулась.

– До завтра, Ливия! – крикнула мне Карли. – Передавай от меня привет своему другу Маэлю!

Энко фыркнул. Похоже, он терпеть не мог, когда его провозируют, – совсем как Маэль. Приобняв меня за плечо, он повернулся к Карли и сказал:

– Обязательно передадим, Келли!

Я почувствовала, как плечи у меня задрожали от беззвучного смеха.

– Ты ведь нарочно?

– Что, приобнял тебя? – с широкой ухмылкой повернулся ко мне Энко. – Естественно.

– Назвал ее «Келли».

Стоило нам зайти за угол, как я тут же сбросила его руку.

– И это тоже, – отозвался Энко. – Дай угадаю. Вы с ней подружки не разлей вода?

– Ну да, конечно, – фыркнула я. – Мы с Карли полюбили друг друга с первого взгляда. Однажды она чуть не разобла-

чила меня, застав с Эванджелиной. Я тогда с трудом выпуталась. Но она точно подозревает, что со мной что-то не так, ты уж мне поверь.

– Дурная слава – тоже слава, – пожал плечами Энко.

Я ответила ему многозначительным взглядом. Если честно, то говорить о Карли мне хотелось меньше всего. Я потратила на нее достаточно нервов, все, хватит. Я хотела было вернуться к прежней теме, но тут Энко коснулся моих ключиц.

– Эванджелина все еще с тобой?

Кивнув, я спросила:

– Ее видно под рубашкой? Неужели она так бросается в глаза?

Я поплотнее закуталась в кардиган, чтобы Эванджелину скрывала не только тонкая ткань рубашки. Мне претила мысль о том, что кто-нибудь может ее увидеть.

– Нет, – покачал головой Энко. – Я ее чувствую. Возможно, потому, что она тоже сверхъестественное существо. – Он скрестил руки на груди и поинтересовался: – Тебе что-нибудь известно об исчезновении торговца?

Я рассказала все, что знала об исчезновении торговца, и о том, что рассказывал Гермес об исчезновении богов.

– А вот об этом я еще не слышал, – сказал Энко, повернувшись ко мне. – Неужели никто не знает, куда они подевались?

– Если и знают, то я об этом понятия не имею, – покачала

головой я.

– И что, останков тоже не нашли? – спросил Энко.

Я удивленно уставилась на него.

– Во-первых, это звучит совершенно ужасно, а во-вторых – каких еще останков? – Мы поравнялись с группой школьников, и я понизила голос. – Вы же бессмертные. Маэль рассказывал, что после смерти полубоги обращаются в прах, чтобы никто не мог найти их тела.

– Да, так и есть, – развел руками Энко. – Когда мы, а точнее, наши тела умирают, то они рассыпаются. Но это не значит, что нас нельзя убить.

Мне вспомнились слова Маэля.

– Точно. Вас могут убить родители.

Энко многозначительно кивнул.

– Кроме того, боги намного сильнее полубогов. Иными словами, если какой-нибудь темный бог решит навредить одной из дочерей богини луны, он с легкостью уведет ее в свое царство. И если Селена, богиня луны, не узнает, где находится ее дочь, то ничего не сможет поделаться. Полубогов могут убить не только родители, но и те, кто стоят выше в иерархии.

Я уставилась на Энко во все глаза.

– В какой такой иерархии?

– В мире богов существует множество иерархий, ведь боги – дети других богов, тех, кто куда древнее олимпийцев. Поколение олимпийцев, из которого происхожу и я, – одно из

самых молодых поколений греческих богов. Оно состоит из двенадцати богов, они являются самыми известными богами в древнегреческой мифологии. Даже у Зевса, нашего главы, есть мать с отцом. И, поскольку они его родители, они могут убить и его, и всех его потомков. Согласно нашей иерархии, они стоят выше Зевса.

А вот об этом я не подозревала. Надо будет разузнать побольше...

– Хочешь сказать, что за исчезновениями, возможно, стоят не олимпийцы, а кто-то старше и могущественнее?

– Если бы нашлись останки, это было бы доказательством, – кивнул Энко.

– Значит, в отличие от полубогов, боги не обращаются после смерти в прах? Теоретически их можно похоронить, если их убьют?

– В яблочко. У богов только одно тело. Они не перерождаются, как полубоги. Боги сохраняют свой первоначальный облик, и если их убить, то они умрут окончательно. Умрет как тело, так и душа. Но пока тела не найдены, возможно, пропавшие просто готовятся устроить очередную революцию.

Да, Маэль говорил то же самое...

– Где находятся эти древние боги, которые сильнее Зевса?

– Они одиночки. В отличие от олимпийских богов, им никогда не поклонялись, поэтому они сторонятся нас. Это жестокие, эгоистичные существа, которым никто не нужен.

Они полны злобы, горечи и отчаяния. Хорошо, что они держатся в тени. – Взгляд Энко помрачнел. – И для нас, и для человечества.

Звучит жутковато. Я погладила Эванджелину, прячущуюся у меня под рубашкой.

– Эванджелина старше полубогов. Получается, она может убить любого из вас?

– Наверняка, – с угрюмой улыбкой отозвался Энко. – Будем надеяться, что боевой режим у нее не включится никогда.

Я посмотрела на него и улыбнулась. Выражение лица Энко смягчилось, и он тихо заметил:

– Ты и правда очень храбрая.

Я отвела взгляд. Уж слишком много чувств было у него в глазах.

– Одно то, что ты сегодня пришла в школу... это о многом говорит.

– Я пошла в школу только потому, что дома бы сошла с ума, – ответила я, вскинув голову.

– Могла бы написать. Я волновался. – Энко говорил так искренне, что мне снова стало стыдно за то, что я игнорировала его.

Угрызения совести усилились. В Энко не осталось ничего от вечно флиртующей рок-звезды, которая пользовалась своим обаянием на полную катушку. Он смотрел на меня серьезно и выразительно. Глаза его были светлыми, но не блек-

лыми. Чернота зрачка переходила в синеватую радужку, по которой расходились бирюзовые крапинки.

– Прости, Энко. Ты все еще хочешь мне помочь?

Энко молча кивнул.

– Прости, – повторила я. – Следовало ответить на твое сообщение.

Энко сжал губы, а потом ответил:

– Ладно, проехали. Теперь я знаю, что с тобой все в порядке. – Он быстро огляделся по сторонам и спросил: – Как насчет кофе? Давай сядем где-нибудь и обсудим план действий.

Конечно же, мне хотелось обсудить, как можно освободить Маэля. С другой стороны, я все еще опасалась оставаться с Энко наедине. Он сделал все, чтобы происходящее напоминало свидание: встретил меня у школы и теперь проникновенно заглядывал мне в глаза. Нехорошо. С другой стороны, похоже, Энко и правда обо мне волновался. Я понимала, что мне стоит это ценить и радоваться тому, что он, по его словам, хочет быть мне другом. Мне нужны союзники, которые разбираются в мире богов. И все же... не могу избавиться от ощущения, что Энко хочет большего. Рано или поздно он перестанет сдерживать свои чувства, и тогда они захлестнут меня волной.

От Энко не укрылась моя нерешительность.

– Не хочешь кофе? Или не хочешь пить его со мной?

И вот снова. Я словно шла по опасно скользкому паркету

чужих эмоций, рискуя вот-вот поскользнуться.

– Энко... – начала было я, но он тут же меня перебил:

– Можем обойтись без кофе. Да и садиться не обязательно. Давай поговорим прямо здесь.

Я ранила его чувства, это нельзя было не заметить. Да уж, с ним будет непросто. Но мне нужна его помощь, его знания, силы, связи и знакомства с олимпийцами.

– Понимаешь, я так устала...

Мне было стыдно использовать усталость как отговорку. Возможно, у меня просто разыгралось воображение. Возможно, Энко такой расстроенный из-за Маэля. Возможно, его состояние не имеет ко мне никакого отношения. Возможно, Энко решил выступить против отца и сражаться за своего брата. А я этого не заметила, потому что много о себе возомнила.

Недолго думая, я решительно кивнула и сказала:

– Думаю, кофе мне не помешает. Давай сядем где-нибудь и спокойно поговорим.

Энко улыбнулся так, что у меня потеплело на сердце.

– Отлично. Давай обсудим, как нам вытащить Маэля.

С этими словами Энко пошел вперед. Он больше не пытался меня коснуться, и я почувствовала облегчение.

Видимо, я в полном раздрае, раз всерьез подумала, что Энко попытается ко мне подкатить, пока Маэль сидит за решеткой. На самом же деле его волнует только Маэль. Я ускорила шаг, догоняя Энко. Пожалуй, чашечка крепкого кофе

придется сейчас как нельзя кстати!

* * *

От школы до станции метро тянулся целый ряд кафешек. Энко повел меня в крошечное, но уютное заведение. Обстановка в темных тонах и выложенный черно-белыми кафельными плитками пол вызывали щемящее чувство ностальгии.

Я заказала себе самый крепкий в меню кофе – как и Энко. Мы еще посмеялись над тем, что вкусы у нас явно совпадают.

Некоторое время мы сидели молча, отпивая маленькими глотками дымящийся кофе и украдкой поглядывая друг на друга.

Даже сидя Энко казался невероятно высоким. Рядом с ним я чувствовала себя еще меньше, чем рядом с Маэлем. Интересно, как Энко удалось уместить свои длинные ноги под этим крошечным столиком, чтобы проходившие мимо нас посетители не спотыкались?

подавив желание заглянуть под стол, я попыталась завязать разговор:

– Не боишься разозлить своего отца?

Энко оторвался от сосредоточенного созерцания своей чашки с кофе.

– Конечно, боюсь. Ты и сама его видела. Но я не такой, как он. Не стальной внутри. Отец суров, не будь он таким суровым, подземный мир погрузился бы в хаос. Но я счи-

таю, что с семьей так нельзя. С другой стороны, частенько кажется, что отец действует излишне жестко, а на самом деле он пытается все уладить. Он запретил нам, своим сыновьям, помогать Маэлю, но я уверен, что он не сидит сложа руки. Он не бросит своего сына. Ну... – добавил Энко с грустной улыбкой, – по крайней мере, я на это надеюсь. Я бы точно не бросил.

– Что с тобой будет, если он узнает о твоих планах?

Энко хотел было сделать глоток кофе, но после моих слов поставил чашку на место и серьезно посмотрел на меня.

– Я не хочу с тобой это обсуждать. Ты уже достаточно сделала, – сказал он.

Судя по всему, на этом тема была закрыта. Выражение его лица стало настолько серьезным, что я не осмелилась продолжать расспросы. Энко помешал ложечкой кофе, хотя не добавил в него ни молока, ни сахара.

– Давай поговорим о том, как помочь Маэлю.

– Отличная мысль, – торопливо сказала я. – Нужно найти способ попасть на Олимп и поговорить с Зевсом, ведь он – главный судья. Если я смогу убедить Зевса в том, что Маэль невиновен, он обязательно его освободит. В конце концов, Маэль просто хотел спасти Агаду, да и весь мир.

Энко тихо рассмеялся:

– И как ты себе это представляешь? Не существует двери, войдя в которую можно попасть на Олимп, а еще лучше – прямиком в кабинет Зевса. Думай о нем как о высокопо-

ставленном политике. Он защищен. Зевса окружает толпа, которая следит за тем, чтобы его не дергали. Говорят, что последние несколько сотен лет Зевсу плевать на землю и что всеми делами заправляют его советники, в первую очередь – Гермес. Идея поговорить с Зевсом напрямую, безусловно, смелая и дерзкая, но она вряд ли осуществима. Кроме того, я был бы поосторожнее. Зевс отличается своеобразием, ему не составит труда превратить тебя в пыль.

Меня снова охватило отчаяние.

– Но должен же быть способ связаться с Олимпом и попросить Зевса заняться делом Маэля! Невинный сидит в тюрьме!

Энко призадумался.

– Ты хорошо знаешь Гермеса?

– Ну... мы познакомились благодаря Маэлю...

– Знаешь, где он живет?

– Да, – ответила я и рассказала Энко про квартиру Гермеса.

– Отлично. Пойдем туда и поищем канал связи.

– Поищем что?

– Гермес – посланец богов и посредник между мирами. Он наш великий дипломат. У него наверняка есть канал связи – что-то вроде телефона, по которому можно позвонить на Олимп. Думаю, только так можно добраться до Зевса и не напороться на молнию. – Энко поиграл бровями. – Зевс ответит, ожидая, что звонок от Гермеса. Тут-то мы и начнем

говорить.

От этого предложения мне стало не по себе. Вломиться к Гермесу, воспользоваться его каналом связи – и, скорее всего, рассыпаться пылью.

Я выпрямилась на стуле и сказала:

– Мы с подругами думаем, что у Гермеса неприятности. Поэтому он и не отвечает. Тебе не кажется, что мы усугубим ситуацию, если ворвемся к нему и попытаемся связаться с Олимпом с его личного телефона? Это все равно что ударить его ножом в спину. Конечно, я немного злюсь на Гермеса из-за того, что он мне не отвечает... но, возможно, он и правда попал в беду.

Я рассказала Энко о наших с девочками подозрениях.

– Понимаешь, мне претит мысль о том, чтобы проникнуть в чужой дом и воспользоваться чужим телефоном. Конечно, я хочу помочь Маэлю, но... у меня такое чувство, что Гермес в беде. Может, есть другой, относительно безопасный способ связаться с Олимпом и при этом не натравить Зевса на тех, кто мне небезразличен?

Энко подпер подбородок ладонями и задумчиво нахмурился.

– Надо подумать. Теоретически можно воспользоваться древними монетами...

– О, я знаю этот фокус, – перебила я. – С их помощью мы с Маэлем получили предсказание Дельфийского оракула. Нам что, снова придется к нему обратиться?

Энко покачал головой:

– Нет. Думаю, оракул не станет нам помогать. Но древние монеты можно использовать и для других целей. Если повезет, то мы сможем дозвониться до Зевса с телефона-автомата. Знаешь, это ведь Зевс велел, чтобы по всему миру установили телефонные будки. Ему надоело, что боги постоянно дергают его.

Я непонимающе помотала головой и спросила:

– Почему он так поступает? Он ваш босс, он должен быть в зоне доступа!

Энко задумчиво посмотрел куда-то мимо меня.

– Ну, говорят, что у него сейчас трудный период. Подробности мне неизвестны. Может, у него профессиональное выгорание? Как бы то ни было, Зевс хотел, чтобы его оставили в покое, и поэтому передал все дела Гермесу. То есть у Гермеса и раньше было полно работы, но меньше, чем сейчас. Наверное, ты уже поняла, что Гермес просто не может сказать «нет». Он всегда и во всем готов помочь и выполняет все поручения, которые ему дают. Итак, чисто теоретически нам нужна древняя монета. Потом останется лишь отыскать телефонную будку. Может, есть какой-нибудь сайт, где они отмечены как особые достопримечательности или что-то такое.

– И где же нам раздобыть эту древнюю монету?

Ох, не думаю, что мне хватит смелости взять Эванджелину и снова ограбить какой-нибудь музей...

Немного поразмыслив, Энко ответил:

– С тобой в школу ходит много богатых детишек. Может, у тебя найдется подружка, чей папа коллекционирует антиквариат? Монета эллинистической эпохи будет в самый раз.

– Неужели нужна монета обязательно этой эпохи?

В истории я разбиралась относительно неплохо, и это ограничение казалось мне странным.

– Не то чтобы обязательно... просто монета должна быть действительно древней. Чем древнее монета, тем лучше связь.

– А это что еще за странное правило?

– Божественное. Лучше не спрашивай.

Я передернула плечами.

– Извини. Я хожу в эту школу всего несколько недель. К тому же я не из тех, кто мгновенно заводит сотни тысяч друзей. У меня есть Джиджи и Джемма, и я почти ничего не знаю об их родителях. Но я могу спросить.

Но Энко только отмахнулся от моего предложения.

– У меня появилась другая идея. У Нерей наверняка найдется нужная нам монета. Нерей – речной бог, у него полно разного хлама, потому что реки выплевывают все, что когда-либо проглотили. Но он не отдаст нам монету просто так.

– Тогда давай ее выкупим, – предложила я, прикидывая, сколько карманных денег у меня осталось.

– Не думаю, что деньги его интересуют. Придется принять участие в игре. Нерей устраивает нелегальные игры в покер

у себя в прачечной.

После этих слов я внезапно почувствовала себя героиней какого-нибудь гангстерского фильма годов этак двадцатых.

– Нелегальные игры в покер?! – переспросила я.

Энко кивнул с таким видом, будто в этом не было ничего особенного.

– Да. Нерей славится своей неукротимой страстью к покеру, а его заведение известно тем, что там собираются самые отчаянные игроки. Можно поехать в Китайский квартал прямо сегодня. Да, пожалуй, чем раньше, тем лучше.

– Сначала мне нужно разобраться с домашкой и хоть ненадолго увидаться с родителями, а не то они что-нибудь заподозрят, и тогда наша спасительная операция накроется.

– Хочешь, я за тобой заеду? На машине мы доберемся до места быстрее.

– Где же находится это «место»? И вообще, с каких это пор ты водишь машину?

Энко окинул меня странным взглядом и сказал:

– В отличие от Маэля, я уже совершеннолетний. Машина у меня с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Иными словами, я, как и полагается порядочному кавалеру, могу за тобой заехать. Шляться по метро, словно дети, – это совсем не круто, согласишься, – сказал Энко, поиграв бровями. – Путь наш лежит в Китайский квартал, который находится в Рёйи, то есть в двенадцатом округе. Это один из тех округов, что расположен непосредственно у Сены. Речным богам такое

свойственно. Им хочется быть поближе к воде. Я бывал там раньше, Нерей меня знает, поэтому не волнуйся. В общем и целом, Нерей довольно приятный парень.

Я ни капельки не удивилась, узнав, что Энко уже бывал в этом месте. Похоже, все сыновья Аида отличаются любовью к запретному – нелегальные азартные игры, запрещенные катакомбы...

– «В общем и целом»?! – переспросила я. – А это еще что значит?

– Только то, что Нерея лучше не злить. Но это относится ко всем богам, – ответил Энко.

– Хорошо, я постараюсь, – ответила я, и тут мне в голову пришла одна мысль. – Можно я возьму с собой Джемму и Джиджи? Уверена, они захотят поучаствовать в спасении Маэля.

«К тому же, – добавила я уже мысленно, – если девочки будут с нами, то наша поездка не будет напоминать свидание».

Энко метнул в меня пронзительный взгляд, и я была уверена, что он мне откажет, но затем он кивнул, хоть и без особого энтузиазма.

– Конечно. Не имею ничего против. Моя машина не слишком большая, но в ней всегда найдется место для хорошеньких девушек.

– Ты просто само очарование, – фыркнула я, закатив глаза.

– Знаю, – с усмешкой отозвался Энко. – Очарование – мое второе имя.

Я посерьезнела.

– Думаешь, наш план сработает? У нас получится освободить Маэля?

Энко залпом осушил чашку с кофе и с тихим звоном поставил ее на блюде.

– Что толку волноваться? Наш план либо сработает, либо нет. Самое главное – сделать все возможное, что мы и сделаем. Наша первая остановка – Нерей. Если с ним не прокатит, то мы вломимся к Гермесу и посмотрим, как пойдет дальше. Тебя устроит, если я заеду за вами в четыре часа?

Я кивнула и сказала:

– Мы с девочками будем ждать у входа в метро. Станция находится неподалеку от моего дома, стоит только за угол завернуть.

– Тогда договорились.

С этими словами Энко встал и взял свою куртку. За наш кофе он, не обратив внимание на мои возражения, заплатил еще тогда, когда его только принесли.

– Спасибо за кофе, – вежливо сказала я, но Энко, похоже, пропустил мои слова мимо ушей.

– Мне надо вернуться в универ, уладить парочку дел. Сегодня последний день сдачи контрольной. Но я провожу тебя до метро – хочу убедиться в том, что ничего не случилось и ты спокойно села в поезд.

– Твоя машина стоит поблизости?

– Нет. До универа я обычно добираюсь на метро – так куда быстрее, учитывая утренние пробки.

Открыв дверь, Энко пропустил меня вперед, вышел следом и остановился. Похоже, ему хотелось сказать что-то еще.

– Ливия... – начал он, тщательно подбирая слова. – Пообещай, что будешь осторожна. Ты плохо знаешь моего отца. Отец чертовски злопамятный. Он никогда не забудет о нанесенной обиде. Он будет лелеять ее до тех пор, пока не подвернется возможность отомстить. Не теряй бдительности, помни о том, что он может скрываться в каждой тени, таиться за каждым углом... Он – Аид, властитель подземного мира. Он очень могущественен. Он может извернуть правила богов в свою пользу. Такое бывало уже не раз. Возможно, он сидит и ждет, какое решение примет Олимп. Возможно, ему плевать на то, что будет с Маэлем. Отец входит в Большую Тройку богов. Он – один из наиболее могущественных богов Олимпа. Лишь у Зевса хватит сил, чтобы его покарать, но он никогда этого не сделает. Поэтому будь осторожна. Держи в тайне все, что связано с Маэлем, не привлекай к себе лишнего внимания и, пожалуйста, не теряй бдительности.

Я была тронута этой речью и тем, что Энко так переживает о моей безопасности.

– Спасибо, Энко. Я очень ценю твою заботу. Я буду осторожна, обещаю, – сказала я и улыбнулась.

На этот раз в моей улыбке не было ни раздражения, ни иронии.

Глава 2

Химчистка месье У

Ровно в четыре часа мы стояли у входа на станцию «Марсово поле». Я предложила встретиться здесь, потому что не хотела, чтобы Фабрис, наш портье, отпуская новые комментарии о моем круге общения. Ему уже довелось повстречать Маэля. Энко – того же поля ягода, что и его брат, поэтому я не хотела, чтобы Фабрис его видел. Со мной пришли не только Джемма и Джиджи. Ноа тоже решил присоединиться к вечеринке. Судя по всему, он твердо намеревался с головой окунуться в древнегреческую мифологию. Ноа был бледноват, но при взгляде на Джемму его глаза загорались. Да уж, похоже, Ноа влюбился по уши... Впрочем, не он один: в его присутствии Джемма выглядела счастливой и оживленной.

Ноа рассказывал о том, что оставил своих собак Кекса и Сливку на попечение мамы, когда к нам с душераздирающим стоном подъехала пастельно-голубая малолитражка. Древнее машины во всем Париже было не сыскать. Из салона доносилась музыка, звучащая так, будто кто-то истязает кошку.

Мы с девочками переглянулись.

– Что за ужасный шум? – поморщился Ноа.

Энко с удивительной легкостью выскочил из машины.

– Друзья, союзники, вассалы! – воскликнул он, срывая с лица огромные солнцезащитные очки. – Карфаген должен быть разрушен!

Мы с девочками снова переглянулись.

– Римские цитаты на каждый день, – пояснил Ноа. – Отличное приложение, у меня оно тоже установлено.

– Что это? – прошептала Джемма мне на ухо. – Пылесос на колесах?

– Больше похоже на гигантскую утку.

– Как он вообще там поместился?

– Понятия не имею. Вопрос в другом: сможем ли мы все втиснуться на заднее сиденье? – спросила я.

– И надо ли нам это делать, – сморщив носик, отозвалась Джемма.

Энко обошел машину и приблизился к нам.

– Ну что, вы готовы к бою? – спросил он, перекрикивая шум, гордо именуемый «музыкой»; к какофонии только что присоединилась скрипучая волынка.

Тем временем рядом с нами начали собираться прохожие. Впрочем, Энко всегда привлекал к себе внимание. Куртка цвета хаки, узкие рваные джинсы, тяжелые ботинки... Прибавить сюда черную рубашку с темно-красными психоделическими розочками, которая была расстегнута на одну пуговицу больше, чем позволяли приличия... Энко выглядел как экстравагантный музыкант или актер. Просияв улыбкой, он расцеловал сначала нас, девочек, а потом приобнял Ноа.

– Чего вы все такие кислые? Нам предстоит спасти моего брата, чтобы они с Ливией могли жить долго и счастливо!

Я со стоном закрыла лицо руками.

– Энко...

Щеки у меня горели.

– У тебя что, колонки полетели? – поинтересовался Ноа, взмахом указав на машину.

– Не-а, – ответил Энко, улыбаясь все так же лучезарно. – Так, берите ноги в руки и залезайте внутрь. Китайский квартал находится в двенадцатом округе. Придется ехать через полгорода.

С этими словами Энко распахнул перед нами пассажирскую дверцу и приглашающе махнул рукой. Снаружи малолитражка неизвестной марки выглядела старой и ржавой, но внутри была на удивление ухоженной. Ноа проскользнул на заднее сиденье и потянул за собой Джемму. Джиджи последовала за ними. У меня не оставалось другого выбора, кроме как сесть рядом с водителем. Энко одарил меня своей фирменной улыбкой, которая покоряла целые стадионы, и нажал на газ.

– Можешь выключить эту музыку? – прокричал сзади Ноа.

Энко только покачал головой.

Когда нажимаешь на газ, машины обычно мурлыкают, подобно большим кошкам, но эта зашлась в кашле, словно простуженный енот. Энко влился в поток движения, а к волынке

и визгу кота добавился стук барабанов, который отдавался у меня в животе. Я прислонилась к окну и незаметно заткнула ухо.

* * *

Нам повезло: пробок не было, и Энко домчал нас до места за четверть часа. Оказавшись в Китайском квартале, мы с девочками восторженно уставились в окно. Перед глазами пролетали золотые статуи драконов и ряды красочных магазинов, в окнах которых висели красные фонари.

Припарковавшись, Энко выключил музыку и вышел из машины. Похоже, он пребывал в хорошем настроении. Несколько секунд я наслаждалась блаженной тишиной, потом тоже вышла и отодвинула свое сиденье, чтобы могли выйти остальные. Энко потянулся всем телом, после чего крутанул ключи вокруг указательного пальца.

– Обзорная экскурсия по Парижу, да еще и с прекрасным музыкальным сопровождением. Чего еще можно желать?

– Молоток, – пробормотал Ноа, протискиваясь сквозь узкую щель между задним и передним сиденьями, и потер уши.

Джемма со смехом толкнула его локтем в бок.

– А я-то думала, вы вместе сочиняете музыку.

– Да, но до этого дня Энко скрывал от меня свой страшный секрет, – сказал Ноа и огляделся. – Мне одному кажется

ся, что из ушей вот-вот пойдет кровь?

– Я слушаю норвежскую музыку, чтобы почтить память матери, – величественно заявил Энко и наконец убрал звенящую связку ключей. – Она была родом из Норвегии.

– Неудивительно, что викинги вымерли, – ворчливо отозвался Ноа. – Нельзя слушать такое на постоянке и не повредить мозг.

Энко набрал полные легкие воздуха – видимо, собирался прочитать подробную лекцию о своих предках и их необыкновенных музыкальных талантах, – но тут я громко хлопнула дверцей машины. Энко замер и посмотрел на меня.

– Нам сюда? – поинтересовалась я, указывая на заведение, перед которым мы остановились. На большой красной вывеске красовалась надпись: «Китайская прачечная мсье У». Буквы украшали элегантные завитки. Приписка чуть ниже информировала о том, что мсье У «безопасно удаляет даже самые стойкие пятна».

Энко кивнул, а Джиджи подскочила ко мне, взяла под руку и уставилась на вывеску, широко распахнув глаза.

– Я никогда не была в Китайском квартале, но именно таким себе его представляла, – сказала она.

Я повернулась к Энко и спросила:

– Ты же уже здесь бывал. Может, пойдешь первым?

Не ответив, Энко направился к дверям и жестом пригласил нас следовать за ним. Стоило переступить порог, как зазвенела музыка ветра. В прачечной пахло имбирем и слад-

кими ароматическими палочками. Тихо играла восточная музыка. Мы подошли к стойке, за которой стоял мужчина лет тридцати. Он поднял голову, кивнул в знак приветствия и осмотрел нас одного за другим. Миндалевидные глаза вспыхнули любопытством.

– Чем я могу вам помочь?

– Мы хотим встретиться с повелителем рек, – заявил Энко.

После этих слов у него в руке, как по волшебству, появился небольшой огненный шар. Ноа громко втянул воздух и раскрыл рот от удивления, но на мужчину за стойкой этот фокус впечатления не произвел. Мельком взглянув на танцующие огоньки пламени, он поднял часть стойки и жестом позвал нас в служебное помещение.

Пройдя мимо многочисленных рядов вешалок с отглаженной одеждой, мы вошли в большую дверь и оказались в прачечной. От представшей перед глазами картины я замерла как вкопанная. Джемма врезалась мне в спину, огляделась и удивленно ахнула. Я ее понимала: мне казалось, что сплю. В больших прозрачных аквариумах плавали мерцающие зеленые создания, которых я никогда раньше не видела. Они напоминали маленьких дракончиков. Создавалось ощущение, будто они... стирали белье?! Морские коньки наполняли воду пенящимися пузырями, и казалось, будто аквариумы кипят. Стиральных машин я нигде не увидела – только множество мелких водных тварей, которые усердно зани-

мались своим делом. На длинных столах лежала одежда, по которой ползали морские улитки. От вырабатываемой ими слизи пятна растворялись. По огромному аквариуму, в который непрерывно текла вода, кружили большие фиолетовые медузы – они полоскали белье. В помещении было всего два человека: один отжимал одежду и бросал ее в сушилку, другой раскладывал уже сухую одежду на гладильных прессах.

– Теперь понятно, откуда Дисней черпал идеи и вдохновение, – пробормотала Джемма, зачарованно глядя на водных дракончиков. – Кто-нибудь, ущипните меня.

– И меня, пожалуйста, тоже, – сказал Ноа.

– Я с радостью ущипну вас обоих, но позже, – отозвался Энко.

– Нет, спасибо, сын тьмы и безвкусной музыки, – вздохнул Ноа. – Интересно, можно одолжить у них улитку? А то после футбола у меня вся одежда в ужасных пятнах...

– Как ты думаешь, в чем секрет успеха этой прачечной? Ты бы еще спросил у шеф-повара рецепт его коронного суфле! Так это не делается, увы.

– Но...

Энко, не сбавляя шаг, повернулся к Ноа.

– Даже не смей спрашивать о таком Нерее. Мы пришли по делу. Будет проблематично, если Нерей вышвырнет нас отсюда, так что простым смертным лучше помалкивать.

– Хорошо, папочка, как скажешь, – пропела Джимми.

Джемма зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться. Даже

Ноа усмехнулся.

Энко оглянулся и сказал:

– Я сделаю вид, что ничего не слышал, мадемуазель.

В следующую секунду мы остановились перед богато украшенной дверью, и нашим шутивным препирательствам пришел конец.

Наш провожатый постучал и, дождавшись «войдите», распахнул дверь.

Помещение, в которое мы вошли, было темным и полупустым. Судя по спартанской обстановке, когда-то оно служило кладовой. Через узкие окна, расположенные под самым потолком, падал скупой свет. Как душно... Воздух был пропитан сигаретным дымом, ароматическими палочками и чем-то еще – не знаю чем.

– Отец, к тебе посетители, – сообщил наш провожатый и низко поклонился. Один из сидевших за столом мужчин отложил свои карты в сторону. На вид ему было чуть за пятьдесят. Светлые волосы, густая борода. Из всех присутствующих он один, похоже, не имел азиатских корней. Удивительно, учитывая, что наш провожатый назвал его «отцом».

Мужчина расправил плечи, и я увидела его истинный облик. На голове у него покоилась корона из ракушек, из-за стула торчал бирюзовый рыбий хвост. До меня донесся тихий плеск волн. У меня не было ни малейшего сомнения – предо мной Нерей, бог рек.

– Добро пожаловать, – раскатистым голосом произнес

мужчина. – Какая, однако, разношерстная компания.

– Мои спутники в курсе наших дел, – вежливо сказал Энко, указывая на меня и моих друзей. – Спасибо, что приняли нас, повелитель рек.

Я одобрительно взглянула на Энко. Кто бы мог подумать, что он умеет вести себя как настоящий дипломат!

– Господа, на сегодня игра окончена. – Нерей шелкнул пальцами, и остальные игроки поднялись – медленно и неторопливо, словно лунатики. – Приходите завтра, и мы продолжим.

Мы посторонились, пропуская китайцев, но те не обращали на нас внимания, как если бы нас здесь не было.

– Садитесь, – сказал Нерей, указывая на освободившиеся места. – Давайте же знакомиться.

Как по волшебству, стулья одновременно отодвинулись от стола.

– Моего сына Лин У вы уже знаете.

Лин У вежливо поклонился, и мы поклонились в ответ. Он тоже приглашающе махнул на стулья.

Мы медлили, решая, кому куда сесть. В следующую секунду в помещении появился еще один человек. Юноша, наш ровесник. Широкоплечий, с густыми светло-русскими волосами – в этом случае семейное сходство было очевидным. Он направился напрямиком к столу, непринужденно балансируя подносом, на котором стояло восемь чашек. Он остановился рядом с отцом и с любопытством посмотрел на нас. Его

взгляд задержался на Джиджи.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросил он и поставил поднос перед отцом, не звякнув ни одной чашкой. – Или мне выйти и войти снова, красавица?

Джиджи во все глаза уставилась на юношу, стремительно покраснела и вылетела за дверь, пробормотав что-то типа: «Мне... нужно позвонить... это очень срочно».

– Я присмотрю за ней, – вздохнула Джемма.

Проводив Джиджи взглядом, Нерей повернулся к нам и сказал:

– Это Селки, мой сын. Обычно он умеет вести себя на людях.

Скрестив руки на широкой груди, Селки довольно ухмыльнулся. Несмотря на осенние холода, он был одет лишь в белую футболку, красные бермуды и шлепанцы. На футболке красовалась эмблема Французской Ассоциации спасателей. Что ж, ему подходит. Но я не видела его божественной сущности, как и когда смотрела на молодого китайца, которого Нерей тоже называл своим сыном. Я попыталась сосредоточиться – и вот наконец снова услышала шум волн. Если приглядеться, то за спиной у Селки можно было увидеть очертания темно-синего рыбьего хвоста. Я быстро взглянула на месье У – у него тоже обнаружился рыбий хвост, только золотой. Мне даже удалось разглядеть жабры у него на шее. Дружелюбно улыбнувшись, месье У отвесил мне поклон, и я улыбнулась в ответ. Зрение еще не пришло в норму, и тут

мой взгляд упал на Энко. Под ногами у него пылал огонь и бурлила магма, а каждая клеточка тела пульсировала тьмой – наследием его отца Аида. Энко выглядел так страшно, что у меня перехватило дыхание. Я заморгала, и зрение тут же прояснилось. Энко вопросительно посмотрел на меня, но я отмахнулась.

Потом Энко шагнул вперед и сел напротив Нерей. Мы с Ноа тоже сели. Селки расположился рядом с отцом, посмотрел на пустое место справа от себя и, перехватив мой взгляд, подмигнул. Отказ Джиджи, похоже, ничуть не сказался на его энтузиазме.

– Что привело вас ко мне? – поинтересовался Нерей и приглашающе подвинул поднос с дымящимися чашками на середину стола. – Жасминовый чай, очень вкусный. Угощайтесь.

Мы с Энко быстро переглянулись. Энко взял с подноса чашку, отпил из нее и одобрительно кивнул. Только после этого мы последовали его примеру. Как ни крути, а осторожность не помешает. Кто знает, насколько безопасно пить и есть в царстве речного бога? Я читала про обычаи волшебных королевств в книгах-фэнтези и знала: даже глоток воды мог стать причиной больших неприятностей. Но сейчас опасности не было.

Пригубив чай, Ноа одобрительно кивнул:

– И правда вкусный.

Я собиралась посмотреть, где там Джиджи с Джеммой, но

буквально через несколько секунд девочки вернулись. Лицо Джиджи почти приобрело нормальный оттенок, лишь щеки были слегка розоватыми. Я перехватила ее взгляд и указала на свободные места. Джемма, само собой, села рядом с Ноа. Рядом с ней оставалось свободное место, но, к моему удивлению, Джиджи села между Селки и мной. Ее щеки порозовели еще гуще.

– Все хорошо? – шепотом спросила я.

Джиджи кивнула и схватилась за телефон, словно за спасательный круг.

Нерей улыбнулся, извиняясь за поведение своего сына. Джиджи улыбнулась в ответ и опустила взгляд.

– Повелитель рек, – начал Энко. – Мы пришли сюда, чтобы попросить вас о помощи.

Энко сказал, что ему нужно связаться с Олимпом, поскольку его брата ранили в сражении, и попросил у Нерея древнюю монету. Он утаил часть правды, но его история, казалось, не вызвала у Нерея подозрений – тот внимательно слушал и серьезно кивал.

Стоило Энко закончить, как повелитель рек осторожно поставил чашку на стол и сказал:

– Довольно рискованно связываться с Олимпом в обход посланца богов Гермеса. Мне понятна твоя тревога о брате, но ситуация недостаточно серьезная, чтобы нарушать правила. – Нерей скользнул по нам взглядом. – К тому же ты поведал мне не всю правду, сын Аида. Я в этом уверен. Судя

по твоему рассказу, ты единственное заинтересованное лицо. Но тогда зачем тебе было приводить ко мне такую разношерстную компанию? Среди вас есть люди, а это так рискованно! – Взгляд Нерей задержался на мне. – А таких, как ты, моя дорогая, в наши дни встретишь редко. Я прав?

Нерей явно говорил о том, что я нимфа.

Я кивнула. Нерей медленно кивнул в ответ и продолжил:

– Вы что-то скрываете, и мне это не нравится. Если вам нужна моя помощь, то выкладывайте карты на стол. Я даже не знаю ваших имен – разве что твое, сын Аида. Мне этого мало. Либо рассказывайте, что происходит, либо уходите.

Мы переглянулись. Селки откинулся на спинку стула, словно в ожидании грандиозного шоу. Он переводил взгляд с одного на другого, и на его лице – как и у его отца – проступило неприкрытое любопытство.

Некоторое время я колебалась, не решаясь вступить в разговор. Может, стоит предоставить переговоры Энко? Но едва я открыла рот, как слова полились сами собой. Я представила Нерейю своих друзей и рассказала обо всем, что с нами случилось.

Сидящий рядом со мной Энко не протестовал, и я восприняла это как хороший знак.

Нерей посмотрел на свои ногти, излучающие голубоватое свечение, и аккуратно сложил руки на столе.

– Что ж, Ливия, твоя история сильно отличается от сокращенной версии, которую сын Аида попытался мне скормить.

Я тоже слышал о пропавших богах. Все мы обеспокоены и, конечно же, хотим знать, откуда ждать опасность. Мне очень жаль, что твой друг был ранен и что его, невиновного, заключили в тюрьму. Но если я помогу вам и об этом станет известно, то мне грозят серьезные неприятности. Я не вижу веских причин подвергать себя такому риску.

Джиджи резко выпрямилась и расправила плечи.

– Весь мир находится под угрозой, а вы отказываетесь нам помочь?! В голове не укладывается! Надеюсь, я никогда не стану такой, как вы! – выпалила она на одном дыхании, после чего откинулась на спинку стула и стала такой же маленькой и безобидной, как и раньше.

С каждым произнесенным ею словом удивление во взгляде Селки все больше перерастало в восхищение. Сейчас его рот был приоткрыт, а глубокие бирюзовые глаза сияли.

– Будь у меня такая монета, я бы тотчас отдал ее тебе, – серьезно сказал он.

Нерей покачал головой:

– Умолкни, Селки. И, пожалуйста, держи свои гормоны под контролем в присутствии наших гостей.

– Я просто пытаюсь быть вежливым, – отозвался Селки и смущенно взлохматил густые светлые волосы.

– У нас деловые переговоры, сынок. Если тебе нравится эта девушка и ты хочешь узнать ее получше, то займись этим после нашего разговора.

Селки закатил глаза:

– Пап, хватит уже об этом!

Последовала тишина. Я перехватила взгляд Джиджи и улыбнулась. Тогда Джиджи незаметно кивнула в сторону Селки и одними губами произнесла: «Он милый». После его смелого высказывания я даже не удивилась. Я вопросительно посмотрела на Джиджи, и та горячо закивала.

– Что ж, хорошо, – громогласно воскликнул Нерей, прерывая наш бессловесный разговор. Джиджи быстро повернулась к Нерею. Мы все напряженно уставились на него. – Я согласен вам помочь. Но я рассчитываю на ответную услугу. Поверьте, риск, на который я готов пойти, намного больше, чем то одолжение, о котором я собираюсь попросить тебя, нимфа.

Энко заметно напрягся.

– Повелитель рек, я охотно выполню любую твою просьбу... – начал было он, но Нерей махнул рукой, перебивая его.

– Нет, сын Аида, твоя помощь мне не нужна.

После этих слов Нерей обернулся ко мне и спросил:

– К какому из пяти видов нимф ты принадлежишь?

– Я – луговая нимфа, – ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – А почему вы спрашиваете?

Нерей сцепил пальцы в замок и уперся в них подбородком.

– Есть у меня одна проблема, понимаешь ли. Со снабжением.

Мы вопросительно уставились на Нерея, а Селки закатил

глаза.

– У меня проблема со снабжением, но ты, луговая нимфа, можешь мне помочь. Скажи, согласна ли ты?

– О чем идет речь?

Энко наклонился вперед и вмешался:

– Ливия не будет ничего обещать, пока мы не проясним условия сделки.

Нерей сузил глаза до щелочек.

– Ты что, ее секретарь? Неужто Ливия не может говорить сама за себя? С каких пор нимфы стали беспомощными созданиями, нуждающимися в заступничестве полубогов?

Энко с оскорбленным видом откинулся на спинку стула. Я ожидала, что в скором времени его темперамент даст о себе знать, поэтому торопливо заговорила:

– Конечно же, я готова вам помочь! Но давайте сначала обсудим подробности. Мы нуждаемся в вашей помощи. Не могли бы вы объяснить, как именно собираетесь помочь?

– Хорошо, – кивнул Нерей. – Как знаете, Зевс уничтожил каждую возможность связаться с Олимпом напрямую. Официально Гермес единственный, кто может позвонить нашему правителю по телефону. Раньше у многих из нас были каналы связи, но их все уничтожили.

Нерей замолчал, делая драматичную паузу, и огляделся. Ноа зачарованно ловил каждое его слово, Джемма наклонилась вперед и напряженно застыла. Джиджи казалась чуть менее заинтересованной – они с Селки то и дело украдкой

поглядывали друг на друга. Энко сидел с надутым видом, скрестив руки на груди.

– Но?.. – подсказала я.

– Но один я спрятал, – с торжествующей улыбкой объявил Нерей.

– Что? – мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, о чем речь. – Вы спрятали устройство, способное связаться с Олимпом?

Нерей кивнул:

– Всего лишь небольшой трюк, но он отлично сработал. До сих пор никто не знает. – Он гордо усмехнулся. – Это телефон на самый крайний случай. Прямая связь с Олимпом. Но поверьте, у вас будут неприятности, если вы решитесь им воспользоваться. Возможно, Зевс поразит вас молнией. Иными словами, я не могу вам ничего гарантировать и категорически не рекомендую им пользоваться. Тем более смертным, будь то человек или нимфа.

Мое сердце сжалось от страха, но меня это не остановило. Я сделаю все, чтобы спасти Маэля!

– Хорошо, – сказала я. – Что вы хотите получить в обмен на телефон?

Нерей встал.

– Будет лучше, если вы сами все увидите.

Я неуверенно посмотрела на Энко. А вдруг Нерей что-то замышляет? В конце концов, я вижу этого типа впервые в жизни! А вдруг он запрет нас в какой-нибудь дыре, бросит

на корм своим водным дракончикам или сдаст Олимпу, где нас накажут и, возможно, даже посадят в тюрьму?

Но Энко как ни в чем не бывало поднялся. Казалось, он был уверен, что никакая опасность нам не грозит.

Пока остальные вставали со своих мест, я незаметно вытащила телефон и написала Энко сообщение: «Ему можно доверять?»

До меня донеслась тихая вибрация, и Энко вытащил телефон из кармана джинсов.

К счастью, Нерей в это время наблюдал за своим сыном Селки, который помогал Джиджи встать – с такой осторожностью, словно она была хрупкой старушкой лет под сто.

Энко что-то написал, и в следующую секунду мой телефон завибрировал: «Все в порядке. Он представитель старой школы. Честь и все такое...»

Сообщение меня немного успокоило.

Нерей подошел к шкафу у стены и нажал на одну из полок. Шкаф бесшумно отъехал в сторону, и нашему взору предстал грузовой лифт. Ноа, стоящий у меня за спиной, одобритительно хмыкнул:

– Вот это я понимаю: секретность уровня «Бог».

Я оглянулась. Ноа держал Джемму за руку, и они замороженно смотрели на скользящий по рельсам шкаф. Наконец дверцы лифта разъехались в стороны, и Нерей первым вошел в кабину. Мы последовали за ним. Внутри было всего две кнопки: «1» и «0». Селки встал возле Джиджи, словно так и

надо. Похоже, она ему и правда нравилась. Джиджи не отодвинулась от него ни на миллиметр. Судя по всему, тот факт, что Селки хочет притвориться ее тенью, ее ни капельки не смущал. Лифт бесшумно поехал вниз, и, когда его дверцы распахнулись, мы увидели огромный аквариум, в котором пузырилась вода. Пахло здесь водорослями и сыростью.

– Вот это да, – раздался сзади тихий голос Ноа. – Что это такое?

Нерей повернулся и прислонился к ограждению над аквариумом.

– Здесь мы выращиваем корм для улиток и водных дракончиков. Они вегетарианцы, предпочитают питаться плодами водорослей. К сожалению, с недавних пор эти водоросли почти перестали цвести и плодоносить. Это серьезная проблема. Наши дракончики на грани голода. С водорослями что-то не так, но я понятия не имею, что именно. Проблема в том, что фактически этот вид водорослей уже вымер. Мы выращиваем их сами, но они приносят недостаточно плодов. Хоть мы и стараемся постоянно сажать новые, но толку от этого чуть... Скоро нашим дракончикам придется голодать! Это просто ужасно. У меня такое чувство, что за этим кроется какой-то заговор!

Ноа посмотрел на Нерея, потом на меня.

– Заговор? – переспросил он, и глаза у него загорелись. – Хотите сказать, что водоросли устроили заговор?

– Они отказываются цвести. Все сразу, – объяснил

Нерей. – Думаю, что-то здесь нечисто.

Джемма выглядела так, будто с трудом сдерживает смех.

Я посмотрела на легкую рябь на поверхности воды.

Помещение напоминало огромную оранжерею. Разве что полностью состояло из водоема, уходившего в землю на бесконечную глубину.

– А где именно растут эти водоросли? – на всякий случай уточнила я.

Нерей махнул в сторону ограждения.

– На дне аквариума. Там находится подземная теплица, заполненная водой.

– И как же мне с ними поговорить? Полагаю, вы хотите, чтобы я спросила у них, в чем дело?

– Ну... – Нерей приглашающе кивнул на воду и широко улыбнулся.

Я тут же поняла, к чему он клонит.

– Иными словами... вы хотите, чтобы я нырнула в этот огромный бассейн, опустилась на дно и поболтала с какими-то водорослями?!

– Ни за что, – возразил Энко с такой категоричностью, что все присутствующие разом повернулись к нему. – Кто знает, что там на дне? Ливия, это слишком рискованно. А вдруг тебя съест какой-нибудь заблудившийся водный дракон? Мы вынуждены отказаться.

Я уставилась на Энко. Он говорит о милых маленьких дракончиках, которые размером не больше таксы и питаются

плодами водорослей?

– Опять он за свое, – пробормотал Селки, посмотрел на меня и спросил: – Он что, держит тебя за дуру?

Джиджи пихнула Селки локтем в бок. Этот жест выглядел на удивление естественным, и они оба застыли, смущенно глядя друг на друга.

– Извини, – сокрушенно сказал Селки. – Иногда я болтаю, не подумав.

Нерей снова закатил глаза:

– Прошу прощения, у моего мальчика язык без костей. Однако он прав. – Он повернулся к Энко. – Я веду переговоры с нимфой, сын Аида. Уважай это.

У Энко в глазах снова вспыхнул опасный огонек. Пламя разгоралось все ярче – терпение Энко явно подходило к концу.

– погоди, они правы, – тихо сказала я. – Энко, все хорошо. Пожалуйста, позволь мне разобраться самой. Я буду сама осторожна и, если что, обязательно посоветуюсь с тобой.

Энко посмотрел на меня. Сейчас он так сильно напоминал своего отца, что я невольно отступила на полшага назад. Я чувствовала: Энко прикладывает все усилия, чтобы его темперамент не вырвался наружу.

– Хорошо, – процедил он сквозь зубы. – Поступай как знаешь.

Мне не хотелось пререкаться с Энко, но его защитные ин-

стинкты только мешали переговорам.

Я снова повернулась к Нерей и сказала:

– Расскажите мне об этих водорослях побольше. На что стоит обратить особое внимание?

– С радостью расскажу, – одобрительно посмотрел на меня Нерей. – Сначала водоросли цветут, потом их цветы превращаются в плоды. Созрев, плоды отделяются от стеблей и всплывают на поверхность, где мы их и собираем.

– Значит, вам не приходится нырять, чтобы собрать урожай?

– Нет, мы опускаемся на дно только тогда, когда сажаем новые водоросли.

– Как водоросли ведут себя, когда чувствуют угрозу? Например, если кто-то хочет их сорвать?

Теперь Нерей выглядел немного смущенным.

– У них есть маленькие семенные коробочки, в которых содержится нейротоксин. Но он совсем слабый! Если попадет на кожу, то почувствуешь легкий зуд, максимум – жжение. К тому же за последние несколько десятилетий такое случилось всего лишь раз. Эти водоросли очень мирные.

Что ж, это все, что я хотела узнать. Буду держаться от них так далеко, как только возможно.

– В таком случае я попытаюсь поговорить с ними отсюда.

– Ну ты, конечно, можешь попробовать, – сказал Нерей, пожимая плечами. – Просто помни о том, что аквариум очень глубокий. Хватит ли твоих сил, чтобы связаться с ни-

ми? Если нет, то мы можем поискать тебе снаряжение для дайвинга.

– Я не умею им пользоваться. Попробую сначала так.

– Вы хотите, чтобы Ливия помогла вам до того, как воспользуется телефоном? А вдруг линия уже давно мертва и никто этого не заметил? – Одного взгляда на Энко хватило, чтобы понять: он на пределе и вот-вот взорвется. – Вы что, серьезно?

– Вы попросили меня о помощи, поэтому условия ставлю я, – лаконично ответил речной бог.

Не дожидаясь продолжения спора, я опустила перед ограждением на корточках и попыталась подобраться как можно ближе к воде. Внимание всех присутствующих тут же переключилось на меня. Я опустила свои ментальные щиты.

Ничего. Я сосредоточилась. По-прежнему ничего. Слышно лишь мерный плеск волн о край бортика. Я протянула руку, дотронулась до прохладной воды. И снова ничего. Прищурилась, пытаюсь представить растущие на дне аквариума водоросли...

Ничего. Тяжко вздохнув, я поднялась на ноги.

– Вообще ничего не слышу. Вы уверены, что с водорослями ничего не случилось?

Отец с сыном быстро переглянулись.

– Еще вчера они были в порядке, – ответил Селки. – Я спускался к ним.

Нерей задумчиво погладил бороду.

– Посмотри снова. Кто знает, что у них могло случиться.

Селки возражать не стал – напротив, он, казалось, радовался, что ему предоставилась возможность окунуться в воду. Шутливо отсалютовав отцу, он подмигнул Джиджи и скинул на пол футболку. Бермуды и шлепанцы последовали за ней, и вскоре Селки стоял перед нами в одних коротких плавательных шортах. Джиджи громко сглотнула – и я прекрасно ее понимала. Уверена, многие женщины захотят, чтобы их спас такой прекрасный спасатель.

Снова взглянув на Джиджи, Селки поиграл мускулами и элегантно нырнул в воду. Джиджи захихикала и подошла к бортику. Сейчас она напоминала фанатку из группы поддержки – для полного сходства не хватало только помпонов.

Селки вернулся через несколько секунд и лег грудью на бортик. Красиво очерченные мышцы плеч напряглись, когда он немного приподнялся над водой. Джиджи замерла. Между его пальцами поблескивали тонкие перепонки. Через несколько секунд над водой показался плавник его темно-синего рыбьего хвоста.

– Ну что, девушки? Как вам?

Джиджи снова захихикала, Джемма улыбнулась, а я подняла вверх большой палец.

Энко закатил глаза.

– Олимп свидетель: уж лучше взять гитару, если так хочется оставить неизгладимое впечатление. Кому понравится чешуя?

Джиджи только закатила глаза.

– А, прости, – отозвался Энко. – Забыл, что у тебя слабость к морепродуктам.

Между ними завязалась беззлобная перебранка, но я перестала к ней прислушиваться. Селки снова исчез под водой. В том месте, где он нырнул, осталась лишь легкая рябь.

– Как он дышит? – спросила я у Нероя.

Тот коснулся пальцами чуть ниже уха.

– Через жабры.

Вот это да! Пока я, впечатленная, кивала, Селки уже успел вернуться.

– Водоросли целы и невредимы, – сообщил он, поправляя плавки. Потом щелкнул пальцами – и рыбий хвост у него за спиной внезапно исчез, как, впрочем, и подрагивающие жабры на шее. Я увидела их лишь мельком, потому что перевоплощение случилось очень быстро. После этого Селки подтянулся и вскочил на бортик прямо из воды (лестницы что, для слабаков?!). Картинным движением он взмахнул волосами, как в рекламе шампуня. Впрочем, выглядели его ужимки довольно естественно – наверное, он тренировался перед зеркалом. Похоже, Селки изо всех сил старался произвести впечатление на Джиджи.

И это у него прекрасно получалось. Я взяла Джиджи за подбородок, закрывая ей рот, и прошептала:

– Не пались, ладно? Или мне уже стоит готовиться к вечеринке в честь помолвки?

Джиджи переменялась в лице и стала пунцово-красной, из-за чего Селки начал выпендриваться еще больше, словно павлин, распушивший хвост. Он подобрал с пола футболку с шортами и хотел было уйти, чтобы переодеться, но отец его остановил.

– Погоди. Если водоросли в порядке, то проблема в воде – из-за нее Ливия не может связаться с растениями. Тебе надо отметить Ливию короной моего царства. Ее сила поможет Ливии преодолеть водный барьер.

– Отметить короной вашего царства? – переспросила я. Что это значит? И почему меня не спросили, хочу ли я такую отметку?

– Это как корона пламени, – объяснил Энко, на этот раз относительно спокойно. – У речных богов тоже есть свой знак, обладающий определенной силой. Поскольку речные боги – водные существа, благодаря знаку ты сможешь общаться с растениями через воду.

– Вот оно что...

Маэль говорил, что огненная корона – символ личной защиты. Но речные боги, судя по всему, не придавали ей особого значения.

Селки, все еще мокрый насквозь, широко улыбнулся.

– Ты не против? – поинтересовался он, приглашающе протянув мне руку.

Я предполагала, что корона речного бога будет у него над сердцем – в том же месте, где находилась корона Маэля. Но

у Селки отметина появилась на ладони – три волны, расположенные друг над другом.

– Не волнуйся, это не больно.

– Знаю, – пробормотала я, снова вспоминая Маэля.

В горле встал комок.

– Просто дай мне свою руку, – мягко сказал Селки.

Я послушно вложила ладонь в его. Сначала я ощутила легкое покалывание, потом – жжение. Уже через секунду Селки резко разорвал рукопожатие.

– Вау, что с тобой такое?

Остальные с любопытством уставились на меня, я пожала плечами.

– О чем ты?

Селки отступил на шаг и кивнул на мою ладонь.

– Покажи.

Я протянула руку. На чистой, немного влажной коже мерцающего знака в виде трех волн не появилось. Селки тоже продемонстрировал свою ладонь:

– Видишь что-нибудь?

Я отрицательно покачала головой.

– Жжет просто жуть. Я был на все сто уверен, что пойдут волдыри.

Вмешался Нерей:

– Что случилось, мальчик мой?

– Как видишь, неувязочка.

Нерей нахмурил густые брови:

– Что еще за неувязочка?

– У меня не получилось оставить метку.

– Зевс всемогущий, – усмехнулся Энко. – Да с этим и ребенок справится! Может, мне показать мастер-класс?

– Селки, может, попробуешь оставить метку на Энко? Так мы проверим, действует она или нет, – предложила я, не дожидаясь, пока Энко затеет ссору.

Сын Аида покачал головой.

– Бесполезно. Полубоги не могут оставлять отметки друг на друге.

– И что это значит? – спросила Джемма.

Энко скрестил руки на груди и усмехнулся.

– Скажем так: тем, кто пришел из Тартара, не нужна помощь. Нам и своих сил хватает.

– Вы, подземники, не можете без выпендрежа, – фыркнул Селки и повернулся к Джемме. – Знак речной короны передал бы Ливии часть нашей силы. Это как временный пропуск в наш мир.

– Если помощь тебе не нужна, то, может, сам поболтаешь с водорослями? – предложила я Энко, сладко улыбнувшись.

Пока Энко подбирал слова для ответа, Нерей громко откашлялся и заявил:

– Говорить с растениями под силу только тебе, нимфа.

Я опустила плечи. Естественно. Как же иначе.

– Но Маэль смог оставить на Ливии свой знак, – задумчиво сказал Энко. – Она луговая нимфа, возможно, ее сила

слишком велика для речных богов.

Селки повернулся к нему:

– Дай угадаю – хочешь оставить на ней свою метку?

– Почему бы и нет?

– Знак Аида никак делу не поможет, – отозвался повелитель рек.

Энко и Селки вызывающе смерили друг друга взглядами, но пыл немного поумерили.

– Хватит впустую тратить время. Давайте это сделаю я.

С этими словами Нерей протянул мне руку. Знак на его коже походил на волны, мерцавшие на ладони Селки. Но если на отметине Селки волны лишь едва заметно двигались, то на ладони Нерея они бушевали.

Я нерешительно взяла его за руку. От обилия ощущений пришлось зажмуриться. До меня донеслись тихий шум волн, разбивающихся о поросший тростником берег, плеск рыб, болтовня моллюсков и перестук их раковин... Водоросли колыхались в такт течению. Пахло зеленью, водой и – немного – землей. Затем все звуки стихли, я опустила взгляд и увидела на своей руке знак из волн. Наконец-то!

– Получилось!

Нерей бросил на меня обеспокоенный взгляд.

– Это было нелегко. Ты не простая луговая нимфа. Что-то усиливает или изменяет твои способности.

Я сразу подумала об Эванджелине.

– Ну я присматриваю за бабочкой-силлектис. Может, в

ней все дело?

– Силлектис, значит, – одобрительно кивнул Нерей. – Сейчас они большая редкость. Гордись тем, что она тебя выбрала.

Я закивала.

– Спасибо.

Эванджелина пошевелилась под кардиганом, словно выражала согласие.

Нерей еще раз серьезно посмотрел на меня.

– Сила внутри тебя сопротивлялась моей печати...

Я не знала, что на это ответить, поэтому просто пожала плечами.

– Ну да ладно, – сказал Нерей, решив вернуться к насущной проблеме. – Попробуй снова поговорить с водорослями. Может, теперь нам повезет.

Кивнув, я сняла кардиган – чтобы он не промок, если волны поднимутся выше. Без него я почувствовала себя более... маневренной. Затем я снова присела на корточки. Остальные подошли ближе. Одной рукой схватившись за ограждение, чтобы не упасть, я потянулась к глянцево-черной поверхности воды, пока не окунула в нее кончики пальцев.

В следующую же секунду в голове раздались крики.

Судя по всему, водоросли почувствовали присутствие нимфы, потому что все начали галдеть одновременно. Их голоса были высокими, пронзительными и на удивление неприятными. Они звучали так резко, что мне показалось,

будто на меня полился дождь из битого стекла.

Я отшатнулась и тут же услышала, как остальные оживленно забормотали у меня за спиной. Я покачнулась. К счастью, другой рукой я крепко держалась за ограждение. Стоило мне снова коснуться воды, как голоса зазвенели с новой силой.

«Наконец кто-то пришел!»

«Поговори с нами! Почему ты здесь?»

«Давай, дитя, подойди ближе! Мы хотим с тобой поговорить».

«Ты нимфа. Мы видим тебя, мы чувствуем тебя, мы знаем, кто ты такая... дочь Истока, дочь цветов, последняя представительница своего вида...»

«Мы хотим поговорить с тобой... хотим... поговорить... поговорить... иди сюда! Иди к нам! Подойди ближе!»

Я послушно наклонялась все ближе и ближе к поверхности воды. Тело будто обладало своей волей. Или это мое самоотверженное наследие нимфы заставляло меня тянуться к растениям?

«Иди сюда...»

Нет. Никогда и ни за что я не прыгну в эту черную воду. Меня охватила паника. Вообще-то я научилась держать себя в руках даже в стрессовых ситуациях, но с этой армией разъяренных водорослей (а их были сотни – и совсем маленьких, и уже больших) справиться было непросто.

«Замолчите!» – мысленно вскричала я, но куда там. Водо-

росли меня не слушались. Их голоса не стихали, становились лишь выше и пронзительнее. Наверное, мое лицо исказилось от боли, потому что кто-то обеспокоенно положил руку мне на спину.

«Замолчите хоть на секунду, пожалуйста! – взмолилась я. – Если вы не замолчите, то я не смогу вам помочь!»

Водоросли сбавили напор, но голосов все равно было слишком много: в царившей какофонии невозможно было ничего разобрать.

Внутри разливалось странное тепло. Поначалу – слабое и призрачное, словно отголосок, но оно крепло и росло, пока не превратилось в шар обжигающего света. Пото шар лопнул, обдавая меня ливнем искр.

«Вы замолчите когда-нибудь или нет?!»

Глаза у меня были закрыты, но перед внутренним взором вдруг возникла картинка: дно аквариума, залитое ярким светом. Наконец-то я увидела, как водоросли выглядят на самом деле... Увидела, как они переливаются, увидела, какие изящные у них листья и стебельки... Водоросли казались почти прозрачными, а листья их двигались в воде грациозно и изящно, словно крылья бабочки. Вид был бы невероятно притягательным, если бы не ужасный галдеж. Но потом водоросли разом смолкли – словно почувствовали мой взгляд.

Сделав глубокий вдох, я мысленно произнесла:

«Выберите представителя. Говорить будет он, а остальные будут молчать и слушать. А не то я сразу уйду!»

Перед моим взором появилась большая водоросль.

«Я здесь самая старшая. Я озвучу наши претензии».

«Претензии? – переспросила я. – Хорошо. Значит, вы недовольны повелителем рек и поэтому больше не приносите плодов?»

Водоросль задвигала длинными листьями, и это выглядело почти вызывающе.

«Он обращается с нами как с рабами! Засунул нас в это темное корыто, словно скот на убой, и ждет, что мы будем на него пахать! Мы обитаем в реках, в больших и широких. В естественных водоемах, где водятся рыбы, улитки и речные жучки, где над водой дует ветер, где есть песок, который накрывает нас во время шторма. Здесь, в этом аквариуме, всегда темно. Мы совсем одни. Мы скучаем по проплывающим мимо рыбам и нежным касаниям улиток. В каком бы городе мы ни селились, повелитель рек всегда держит нас в плену этого аквариума. Раньше все было лучше! Теперь мы объявили забастовку. Сколько бы водорослей Нерей ни посадил, мы все помним и больше не будем бездействовать. Мы знаем, что он кормит нашими плодами своих драконов. Наверняка они так же одиноки, как и мы. Мы тоже живые, и мы ничем не отличаемся от остальных существ, которые на него работают. Мы требуем, чтобы всем нам обеспечили достойное существование!»

«Значит, вы хотите, чтобы я попросила Нерая пустить в аквариум рыбок? И установить лампы?»

Не успела водоросль ответить, как заговорила другая:

«А что толку? Нерей все равно ее не послушает. Вряд ли нимфа сможет чего-то добиться. Полагаю, она разговаривает с нами потому, что чего-то от него хочет. С богами всегда так».

Шах и мат. Тем не менее я не подала виду, что они загнали меня в тупик.

«Пожалуйста, озвучьте свои требования».

«Мы хотим, чтобы водных дракончиков пускали к нам плавать. А еще мы хотим рыбок!»

«Хочу пиранию! – крикнул кто-то. – Мои предки выросли среди пираний. Они должны быть очень милыми и дружелюбными! Никто не гладит лучше, чем пираньи».

«А где все улитки? – поинтересовалась самая старая водоросль. – Хотелось бы несколько улиток, и свет – солнечный свет! Этот аквариум слишком глубокий. Реки обычно куда мельче. Мы не растем на такой глубине. Но самое для нас важное – это свет. Мы хотим лучше узнавать друг друга. Как, скажите, пожалуйста, нам цвести, если мы не видим ничего, кроме темноты? Так не пойдет. Повелитель рек должен бы это понимать».

Какие... интересные предложения.

«Водные дракончики, если повелитель рек соизволит с ними поговорить, подтвердят обоснованность наших требований».

«А повелитель рек может разговаривать с дракончика-

ми? – спросила я. – С вами же не может».

«С ними – да, может, – ответила водоросль поменьше, которая казалась куда агрессивнее своей подруги. – Он может разговаривать с рыбами, улитками, драконами... в общем, со всеми жителями своего царства. Фауна – да, флора – нет. Очень простой закон».

«Хорошо. Я передам ваши требования. Если повелитель рек согласится их выполнить, обещаете ли вы, что снова будете цвести и давать плоды?»

И снова возмущенный ропот. Чего еще хотят эти водоросли?

«Мы ничего тебе не обещаем, – процедила маленькая водоросль. – Мы не ведем переговоры с посредниками».

После этих слов у нее из-под листьев вылетел блестящий от слизи шарик, который полетел в мою сторону. От удивления я даже не успела уклониться, но шарик, наверное, пролетел мимо, потому что я ничего не почувствовала. Я держала глаза плотно закрытыми, чтобы не допустить разрыва связи в такой деликатный момент.

«Посредник единственный, кто будет с вами разговаривать», – ответила я.

«Повелитель рек нас совершенно не уважает», – сказала маленькая водоросль, обращаясь к остальным. Ее заявление было встречено бурным одобрением. Внезапно настроения изменились на сто восемьдесят градусов. Судя по всему, эти водоросли были не такими мирными, как говорил Нерей.

«Убирайся! – закричала другая водоросль. – Ты ничего не можешь! Зачем нам выставлять себя на посмешище, если повелитель рек все равно откажет?!»

«Совершенно верно! – вторила ей другая водоросль. – Вы что, не видите?! Девчонка ничего здесь не решает!»

А потом все принялись кричать одновременно.

«Мы зря теряем время!»

«Убирайся отсюда!»

«Пошла прочь!»

«Повелитель рек физически не может с вами разговаривать! Чего вы хотите?» – воскликнула я, попытавшись исправить ситуацию. Нужно уговорить их пойти на сделку, в противном случае Нерей не даст мне воспользоваться своим телефоном!

«Мы больше не позволим обращаться с нами как с рабами!» – раздалось в ответ, и со всех сторон в меня полетели маленькие склизкие шарики. Видимо, водоросли прицельно запустили их в мою сторону.

К счастью, я заранее увидела опасность, открыла глаза, разрывая ментальную связь с растениями, и заморгала. В следующее мгновение из воды показались первые шарики, они летели прямо в меня. Я отшатнулась, отпустила ограждение и отползла подальше от края аквариума. Встала, пытаясь уклониться от града склизких пуль – некоторые из них попали мне за шиворот и теперь густой слизью стекали по голой коже... Эванджелина вылетела из-под рубашки и взмы-

ла высоко в воздух. Я развернулась спиной, и теперь сгустки слизи били мне в шею, тут же соскальзывая на спину. Они словно были живыми. На моих руках живого места не осталось – меня будто рой комаров облепил.

– Хватит! Немедленно прекратите! – крикнул Селки и швырнул свою футболку в аквариум. Особого эффекта это не возымело – склизких сгустков меньше не стало. Нерей самоотверженно оттащил меня от линии огня, при этом несколько снарядов попало и в него. Селки подтолкнул остальных к лифту. Стоило нам отойти от аквариума, как град пуль прекратился.

И тогда я почувствовала зуд.

– Фу-у-у, какая гадость! – воскликнула я, пытаюсь стряхнуть с руки комочек слизи.

От моего прикосновения тот лопнул, и вытекшая жидкость почти мгновенно впиталась в кожу. Я сразу почувствовала сильнейший зуд и принялась расчесывать кожу там, где могла дотянуться. Хотелось стянуть мешающую одежду, но это было бы слишком.

– Почему вы не предупредили, что выращиваете боевые водоросли?!

– Ну и ну, – сказала Джиджи, оглядывая меня с головы до ног. – Хочешь, я погуглю симптомы анафилактического шока? Тебе дурно? Голова не кружится?

– Все хорошо, – отмахнулась я. – Только чешется жутко.

Энко подошел ко мне и осторожно коснулся красного пят-

на у меня на руке.

– Болит?

Я покачала головой.

– Нет. Но чешется ужасно. Почеши мне, пожалуйста, спину. Самой мне не дотянуться.

Усмехнувшись, Энко встал у меня за спиной, провел короткими ногтями по моей коже, а потом наклонился и прошептал мне на ухо:

– Ну как? Нравится?

Я проигнорировала его заигрывания и поискала взглядом Эванджелину. Увидела ее у Джеммы на плече и вздохнула с облегчением. Они с Ноа успокаивали бабочку, почесывая ее пушистое брюшко. К счастью, ни один снаряд из артиллерийского зала водорослей в нее не попал.

– Это было безответственно, повелитель рек, – произнес Энко. Его голос звучал опасно спокойно. – Взгляните на Ливию. Она вся в красных пятнах. А вдруг у нее аллергия на этот растительный яд?

– Судя по виду, у нее точно аллергия, – заметил Ноа, подходя ближе. – Что это за полоски у тебя на шее?

– Что, полоски? Какие еще полоски? Где? – Я принялась с тревогой ощупывать шею.

– Без паники, народ, – сказал Селки, с трудом сдерживая смех. – Это жабры. Посмотри на свои руки, нимфа.

И вот тогда я заметила, что между пальцами у меня перепонки. Невероятно тонкие переливающиеся перепонки с

волнистым рисунком. От удивления у меня перехватило дыхание.

– Это все благодаря водной короне, – жизнерадостно объяснил Селки. – Через несколько дней она исчезнет.

– А до того времени я буду ходить с перепонками и жабрами? – поинтересовалась я. Вот теперь мне совсем поплохело.

– Только при непосредственном контакте с пресной водой. Влияние речной короны вскоре пройдет. Но до тех пор ты теоретически можешь дышать под водой.

Ну прекрасно...

– Просто поверить не могу, – проворчал Энко у меня за спиной. Он перестал меня расчесывать и теперь нежно поглаживал раздраженную кожу. Было так приятно, что мне не хотелось его останавливать.

– Жабры с перепонками исчезнут через минуту-другую, – сказал Нерей, взглянул на мою шею и добавил: – А вероятность того, что у луговой нимфы будет аллергия, крайне мала. – И тем не менее во взгляде речного бога отчетливо читалось извинение: – Мне жаль. Я такого не ожидал. Как я уже сказал, на самом деле эти водоросли очень мирные. Понятия не имею, почему все зашло так далеко.

– Не сваливайте все на Ливию, – рявкнул Энко у меня из-за спины.

– Все в порядке, – сказала я, отстраняясь от него. – Спасибо, Энко. Мне уже полегче.

Затем я рассказала Нерее о том, какие требования выдви-

нули водоросли.

Внимательно меня выслушав, речной бог поинтересовался:

– Это все?

– Думаю, они просто хотят лучшей жизни, – пожалала плечами я. – Их можно понять.

Нерей посветлел лицом.

– Что ж, это можно устроить. Уверен, улитки с дракончиками будут только рады, если у них появится еще один аквариум. Это внесет в их жизнь немного разнообразия. Почему я сам до этого не додумался?! Утром первым же делом достанем рыбу и других речных обитателей. И установим прожекторы, чтобы в аквариуме было светлее.

Что ж, звучало довольно многообещающе. В другой ситуации я бы снова связалась с водорослями, чтобы сообщить им эту прекрасную новость, но сейчас мне даже думать не хотелось о том, чтобы приблизиться к краю аквариума. И это несмотря на то, что зуд постепенно утихал.

Эванджелина вспорхнула, полетела ко мне и устроилась у меня на плече. Она все еще казалась взволнованной.

– Ну ты чего, малышка, – сказала я и успокаивающе погладила ее по крылышкам. – Все хорошо, не бойся. Со мной ничего не случилось.

Эванджелина и правда слегка подрагивала – видимо, перереволновалась. Я была тронута тем, что она так беспокоится обо мне.

Вскоре Эванджелина исчезла за вырезом моей рубашки.

– Какая красивая бабочка-силлектис. Что ж, пожалуй, настало время выполнить свою часть сделки. – Нерей с улыбкой огляделся. – Пойдемте со мной.

Мы вернулись на этаж, где находилась подсобка с покерным столом. Нам навстречу вышел Селки, и только тогда я поняла, что его не было с нами в лифте. Селки успел полностью одеться – впрочем, в его случае понятие «полностью» было довольно относительным. Обтягивающая футболка с изображением русалки, шорты-бермуды и шлепанцы – и это когда на улице всего плюс двенадцать! Похоже, у Селки в роду были по меньшей мере моржи.

– Селки проведет тебя туда, где я прячу канал связи. Это самый обычный телефон, ты поймешь, как им пользоваться. Остальные – располагайтесь, мы подождем здесь.

Энко снова хотел возразить, но я коснулась его руки и тихо сказала:

– Ты сказал, что Нерею можно доверять. Поэтому я доверяю ему и его сыну. Уверена, Селки не задушит меня в каком-нибудь укромном местечке. Он так запал на Джиджи, что вряд ли станет доставлять нам неприятности.

Энко стиснул челюсти и коротко кивнул.

Селки широко улыбнулся и приглашающе махнул в сторону двери, откуда он и появился.

– Нам туда, нимфа. Прошу, – сказал он и, напоследок улыбувшись Джиджи, пошел вперед. Я последовала за ним.

Нам пришлось пройти несколько извилистых темных коридоров. Дом оказался намного больше, чем я ожидала.

– Скажи... – начал было Селки и замедлил шаг, чтобы поравняться со мной. – А у твоей подруги есть парень?

Было ясно, о ком он говорит.

– Нет, парня у нее нет.

– Можешь дать мне ее номер? Хочу пригласить ее на свидание.

«Ох уж эти полубоги и их непоколебимая самоуверенность!» – подумала я и мысленно закатила глаза.

Я тянула с ответом, поэтому Селки добавил:

– Послушай, нимфа. Джиджи очень милая. Она мне нравится, я тоже ей нравлюсь, а что еще нужно? Я из хороших парней. Веселый, верный, честный...

– Скромный, – вставила я.

Селки весело фыркнул.

– Я не обязан тебе нравиться, нимфа. Главное, что я нравлюсь Джиджи. Кроме того, у тебя есть свой личный фанат. Сын Аида виляет хвостиком, как верный пес, стоит тебе только взглянуть в его сторону. Это трудно не заметить.

Я посмотрела Селки в глаза, никак не комментируя его замечание про наши с Энко отношения. С какой стати мне обсуждать с ним свою личную жизнь?! Но в то же время я знала: Джиджи понравился этот парень и она заслуживает того, кто наконец исцелит ее разбитое сердце.

– Просто спроси у нее номер телефона и пригласи на сви-

дание. Уверена, такой подход понравится Джиджи намного больше.

Селки неуверенно заморгал, но через несколько секунд взял себя в руки и улыбнулся.

– Хорошо. Так и сделаю, – сказал он и открыл дверь слева от себя.

Моему взгляду предстала узкая пыльная комната, от пола до потолка забитая разным хламом. На шатком столике возвышался светло-зеленый телефон годов этак семидесятых. Черный кабель, тянущийся от трубки к аппарату, блестел жирным блеском. У столика стояло широкое кресло с высокой спинкой, обитое бархатом в оранжево-коричневую полоску. Наверное, тоже пережиток безвкусных семидесятых.

Я решительно переступила через порог и чуть было не задохнулась от запаха пыли и затхлости, ударившего в нос.

– Удачи! – отсалютовал Селки и с грохотом захлопнул за мной дверь.

Я осталась наедине с телефоном, который видела только в фильмах. Наедине с горой хлама и огромным креслом, похожим на пристанище миллиона пылевых клещей. Я расправила плечи. Все это ради Маэля. Ради того, чтобы спасти его, я готова даже перетерпеть компанию клещей.

Я нерешительно приблизилась к креслу. Мне же необязательно в него садиться, чтобы позвонить? Я присмотрелась к телефону – тот больше напоминал реквизит из фильма, чем работающий аппарат. Трубка была покрыта тонким слоем

пыли. Зажмурившись, я протянула к ней руку, коснулась... и предмет у меня в руке изменился. Я широко распахнула глаза и увидела, что держу раковину огромного моллюска – наподобие тех, из которых делают конхи. Снаружи она была кремово-белой, а изнутри – розово-перламутровой. Ракушка выглядела идеальной и абсолютно чистой.

Размером она немногим уступала телефонной трубке. Ох, а тяжелая какая! Я посмотрела вниз, на столик, и почувствовала, как от удивления у меня глаза на лоб полезли. От громоздкого аппарата не осталось и следа. Даже кабель исчез! И зачем я только закрыла глаза?! Если бы оставила их открытыми, то увидела бы это превращение. Ладно. Эта ракушка, конечно, милая, но что толку? Как по ней звонить? Тогда я сделала то, что казалось наиболее логичным, а именно – поднесла ракушку к уху и сказала:

– Алло?

Через мгновение и без того темное помещение погрузилось в мрак, да такой кромешный, что и кончика носа не разглядеть. Затем я увидела рамку – большую и, судя по всему, деревянную. Она возникла передо мной, как новое окно на мониторе компьютера. Окно подрагивало, заходилось помехами и было настолько прозрачным, что сквозь него просвечивала темнота. Если честно, оно напоминало портал в другой мир.

– Алло? – повторила я, все еще прижимая раковину к уху. Внезапно в парящем посреди помещения окне появилось

изображение, и моему взору предстал темноволосый мужчина с кустистыми бровями. Одет мужчина был в треники и футболку – растянутую и замызганную, всю в пятнах. Густая борода выглядела растрепанной и неопрятной.

– Что? – рявкнул мужчина.

Несколько мгновений я ошалело смотрела на этого странного типа, а потом перевела взгляд на стену позади него, увешанную бесчисленными телевизорами. На всех телевизорах – а было их штук тридцать, не меньше – шли разные программы на разных языках. В основном сериалы – ситкомы и мыльные оперы, в которых люди либо кричали, либо обнимались и плакали, либо целовались.

– Что такое, черт тебя побери! – прорычал мужчина.

– Эм... Я... – пробормотала я и запнулась. Ну не спрашивать же, кто он такой?

– Кто посмел нарушить мой покой?!

Я присмотрелась к мужчине повнимательнее. Позади него сверкнула молния. Боже мой. Я что, попала к самому Зевсу?! Получается, Нерей не соврал, и я попала напрямую в личные покои Зевса?! Я почувствовала легкую тошноту.

– Здравствуйте! Меня зовут Ливия, и я очень рада, что мне представилась возможность поговорить с вами, Зевс.

Если передо мной не Зевс, то он сообщит об этом, еще и наверняка накричит на меня... Но мужчина и глазом не моргнул. Вместо этого он уставился на меня своими темными глазами. У него в бороде запутались остатки мармелад-

ной конфеты. Я мысленно содрогнулась. Зевс выглядел до ужаса неряшливо, а помещение вокруг больше напоминало свалку.

– Кто ты такая? – прорычал он. – Я тебя не знаю.

Судя по всему, Зевс не видит, что я нимфа...

– Я нимфа.

Зевс зашелся таким неудержимым хохотом, что мармеладка (а точнее, ее останки) упала с его бороды.

– Не рассказывай мне сказки, девочка. Нимфы давно вымерли.

Я сглотнула.

– Я луговая нимфа.

Хохот перешел в сдавленное хихиканье.

– Ну и дела! Кажется, мне снова попался галлюциногенный орех. Такие странные галлюцинации... – Отвернувшись, Зевс засунул руку в пакет, вытащил из него горсть орехов, сунул в рот и принялся шумно жевать. – Ладно, хватит с меня твоих выдумок. Все, я кладу трубку, а тот, кто дал тебе этот канал связи, умрет ужасной смертью.

– Нет, нет, нет, нет! – закричала я, дико размахивая свободной рукой. – Умоляю вас, не надо! Все, кто мне помогает, действуют исключительно из лучших побуждений! Дело в Маэле, сыне Аида. Его схватили и держат в заточении на Олимпе. Маэль – мой друг, и мне нужно знать, в порядке ли он. А еще я хочу... То есть я хотела бы вступить за него. Маэля арестовали несправедливо. Он никому не хотел при-

чинить вреда. Он просто пытался защитить свою сестру. Маэль уж точно не собирался захватить мир – или что там еще хотят на него повесить. Да, он сын Аида, но он никогда бы не сделал ничего подобного. Он совсем не похож на своего отца. Он добрый и всегда желает всем самого лучшего, и...

Зевс оборвал меня взмахом руки. Он выглядел таким раздраженным, что я немедленно замолчала.

– Меня это не волнует, – только и сказал он.

– Умоляю вас, Зевс! Маэль невиновен. Сейчас он тяжело ранен. К тому же он пошел на риск только ради того, чтобы предотвратить ужасную опасность! Он позаботился о том, чтобы никто не мог добраться до проклятого золота. Дайте ему слово, выслушайте его, и он сам все объяснит.

– Послушай меня внимательно, полоумная трещотка, – снова перебил меня Зевс. – У меня нет ни времени, ни желания с этим возиться. Поговори с Гермесом, если чего-то хочешь. Не дозвонишься – что ж, значит, он тоже не хочет иметь с тобой дел. Меня, знаешь ли, все это давно перестало интересовать. Я выполнял свои обязанности на протяжении многих тысячелетий, и теперь мне все надоело. Я занят. – Зевс взмахом указал на телевизоры, на которых шли сериалы. – Очень занят.

– Прошу вас, Зевс!

– Так, пора с этим заканчивать.

С этими словами Зевс нажал на какую-то кнопку, и в следующий момент экран исчез. Раковина у меня в руке рассы-

палась на тысячи мелких осколков. Острые края неприятно впились мне в кожу. Освещение вернулось в норму, и я с ужасом уставилась на горстку у моих ног – то, что осталось от раковины. Зевс уничтожил каналы связи. Значит, я виновата в том, что Нерей потерял последний контакт с Олимпом. В горле встал комок. Чувствовала я себя отвратительно. Интересно, Нерей очень рассердится? Я хотела было направиться к двери, но тут она распахнулась.

– Ну и? – бодро поинтересовался Селки. – Что сказал большой босс?

Я ничего не ответила. Селки уставился на обломки раковины, лежащие на полу.

– Ой-ей.

Я кивнула.

Селки закусил нижнюю губу и сказал:

– Нужно поговорить с отцом.

* * *

Признаться, я ожидала, что Нерей поднимет шум из-за того, что я испортила его канал связи, но мужчина вел себя так же спокойно и рассудительно, как и раньше.

Я испытала колоссальное облегчение: хватит с меня криков Зевса, которых я наслушалась за последние несколько минут... Когда мы с Селки вернулись в покерную, все по-прежнему сидели за столом и, судя по всему, были увлечены

жаркой беседой.

– Слухи о том, что Зевс пренебрегает своими прямыми обязанностями, ходят довольно давно, – сказал Нерей, подливая себе чай. – Что ж, теперь у нас есть тому подтверждение. Думаю, это означает, что ты сама по себе, Ливия. На помощь Олимпа рассчитывать не стоит.

– Но без помощи Олимпа мне не обойтись! – с отчаянием вскричала я. – Только олимпийский суд может оправдать Маэля!

Нерей пожал плечами.

– Мои возможности ограничены. Единственное, чем я мог помочь, – это предоставить доступ к каналу связи, но его больше нет.

– А что насчет монеты? – поинтересовалась Джиджи.

– Пустая трата ресурсов, – отозвался Нерей, покачав головой. – Зевс избавился от этого способа связи. Теперь от монет никакого толку.

– Почему вы сразу не сказали нам об этом? – задумчиво нахмурившись, спросил Ноа.

– Потому что повелитель рек любит играть со смертными, – проворчал Энко. – Как, впрочем, и все боги.

– И чем же вы недовольны? У вас был свой шанс, – с улыбкой отозвался Нерей.

– Да, еще кое-что... – потупившись, сказала я и смущенно уставилась на свою чашку. – Зевс сказал, что того, кто дал мне телефон, ждет ужасная смерть.

Селки испуганно распахнул глаза, Ноа с Энко выпрямились, Джиджи зажала рот рукой, а Джемма в ужасе уставилась на меня. Но на Нерея, судя по всему, мои слова не произвели никакого впечатления.

– Да, наш правитель всегда любил разбрасываться угрозами, но за тысячи лет осуществил лишь малую часть из них. Не думаю, что он просто возьмет и испепелит меня. Я ведь хранитель рек.

Джиджи медленно убрала руку ото рта, повернулась ко мне и спросила:

– Значит, Зевс категорически отказался тебе помочь?

Я рассказала о том, как прошел разговор.

Энко покачал головой.

– Чего-то подобного я и ожидал. Он еще хуже отца. Настоящий пофигист!

– Но как нам тогда помочь Маэлю?..

– Единственное, что вы можете сделать, – это дождаться, пока проявится посланник богов, – сказал Нерей. – Да, сейчас Гермес пропал, но он – бог, так что с ним несчастный случай точно не произойдет. Я знаю Гермеса, у него светлое сердце. Истинный олимпиец. Поверьте, он свяжется с вами, как только у него дойдут руки. Нужно набраться терпения.

Я сжала лежащие у меня на коленях руки в кулаки и тихо пробормотала:

– Терпение... Боюсь, терпение не входит в список моих достоинств.

– Вы уверены, что этот Маэль еще жив? – вдруг поинтересовался Селки.

Я кивнула, хотя моя уверенность основывалась не на фактах, а на стремлении выдать желаемое за действительное.

Энко твердо посмотрел Селки в глаза и заявил:

– Маэль – мой брат. Уверен, я бы почувствовал, если бы он умер.

– Что ж, тогда самое время перейти к плану «Б», – отозвался Селки, откинувшись на спинку стула.

– Если у тебя есть план «Б», то мы с удовольствием его выслушаем.

Нерей сделал глоток чая и осторожно поставил чашку на стол перед собой.

– Ливия, мне очень жаль, что ты не добилась желаемого.

– Спасибо за помощь, повелитель рек, – сказал Энко, поднимаясь с места. – Нам пора.

Остальные тоже поднялись. Только сейчас я заметила, что после встречи с Зевсом от раздражения на коже не осталось и следа. Хоть какая-то польза от этого неприятного разговора...

– Был рад встрече. – Нерей на прощание махнул рукой, но вставать не стал и продолжил пить чай. Откуда ни возьмись появился Лин У и открыл нам дверь.

Селки пошел с нами и отвел нас к огромному аквариуму с дракончиками, которые тут же с любопытством подплыли к бортику. Вытянутые и округлые, как у тюленей, мордочки,

желтые глаза, синевато-фиолетовая чешуя... дракончики напоминали инопланетных существ. Я почесала одному из них подбородок, и тот забавно фыркнул, слегка поцарапав меня жесткими усиками. Я могла бы бесконечно играть с водными дракончиками, да и остальные были от них в полном восторге, но в какой-то момент Селки, смеясь, повел нас к выходу. Он пообещал, что мы можем вернуться в любой момент, чтобы навестить их.

На улице Селки повернулся к Джиджи и сказал:

– Я напишу тебе, хорошо?

Мне показалось, что он волнуется.

Я и не заметила, когда эти двое обменялись номерами телефонов!

– Да, конечно! – закивала Джиджи, и они с Селки улыбнулись друг другу так, словно не желали расставаться.

Ноа тем временем приобнял Джемму за талию и прошептал:

– Наверное, здорово, когда ты влюблен...

Джемма широко улыбнулась и чмокнула его в губы.

– Наверное. Интересно, каково это?

Рядом с этими парочками я чувствовала себя пятым колесом в телеге, хотя прямо за мной стоял Энко. После исчезновения Маэля он вел себя как мой телохранитель. Как же я скучаю по Маэлю... И сейчас, когда остальные выглядят такими влюбленными, я остро осознаю, что, несмотря на все разногласия, царившее между нами недоверие и все прегра-

ды, рядом с Маэлем я была по-настоящему счастлива.

– Пойдем, – сказал Энко. – Нам надо развезти остальных по домам.

Хотелось возразить, сказать, что нет никаких «нас», но на это у меня не было сил. Энко всячески старался меня поддержать. От этой мысли мне почему-то становилось легче.

И все же меня не отпускало неприятное предчувствие, что это «мы» скоро превратится в проблему.

Глава 3

Новенькая

Нет новых сообщений. Нет новых сообщений. Я потеряла Маэля. Потеряла его навсегда. Навсегда. Навсегда...

Кто-то пихнул меня в бок. Я вздрогнула, распахнула глаза. Где я? Передо мной, окутанная сумрачным туманом, стояла девушка с огромными иссиня-черными крыльями. Пряди длинных темно-каштановых волос змеями вились вокруг ее головы, блестящие, будто покрытые алмазной пылью. Я почувствовала, как мои ментальные щиты рассыпались в прах, и в следующее мгновение разум затопили крики. Кричали растения. Они гибли, оставшись без воды, питательных веществ и солнечного света... Я физически чувствовала их страх и боль. И все, как один, зывали ко мне о помощи.

Девушка посмотрела мне в глаза. На губах у нее заиграла улыбка. «Привет...» – произнесла она, не раскрывая рта. Это слово будто впилося прямо в мозг. Испуганно ахнув, я отшатнулась, да так резко, что чуть не упала со стула.

Кто-то похлопал меня по спине, и я посмотрела в сторону. На меня смотрели ясные голубые глаза. Джемма. Это Джемма, всего лишь Джемма. Точно. Я нахожусь в школе. На уроке биологии, если быть точнее. Помню, как почувствовала невероятную усталость, на мгновение прикрыла глаза, а по-

том увидела...

– Кто это? – спросила я. От страха мой голос прозвучал тихо и хрипло. – Ты видишь эти черные...

– Доброе утро, мисс Маккензи! – громогласно окликнул меня мистер Роджерс через все помещение. Класс взорвался смехом. Растения на столе передо мной исходили криком. Я схватила пенал и принялась судорожно искать спрятанный в нем медовый бальзам для губ.

«Помоги нам, спаси нас, дочь Истока. Спаси нас!»

– Я несказанно рад, что вы наконец соизволили проснуться, – сказал мистер Роджерс. – Хотя бы для того, чтобы поприветствовать свою новую одноклассницу.

Новая волна смеха.

Новая волна криков.

Некоторое время я не отрываясь смотрела на мистера Роджерса и только потом осмелилась перевести взгляд на стоявшую рядом с ним девушку. Ужасающие крылья исчезли, как и пелена тумана, щитом окружавшая ее стройную фигурку.

– Прошу прощения, – выдавила я, с трудом заставляя губы двигаться. Наконец-то я нащупала медовый бальзам. Не глядя достала тюбик и дрожащими пальцами открутила колпачок. Я не решалась намазать им губы, пока на меня смотрит мистер Роджерс, поэтому просто придвинула пенал поближе и сделала глубокий вдох. К счастью, запах меда был таким сильным, что я почувствовала его даже со своего места.

«Вода... нам нужна вода... Дочь Истока, помоги нам, спа-

си нас. Спаси...»

Запах меда успокаивал меня, но вот заглушить голоса в голове стоило мне невероятных усилий. Я торопливо отодвинула высокие склянки с травой, стоявшие на столе, немного подальше от себя. Ох, ну когда же мы закончим изучать ботанику?

– Ты в порядке? – прошептала Джемма, наклонившись ко мне. – У тебя такой вид, словно ты вот-вот свалишься со стула. Впрочем, ты и правда чуть не свалилась. Поэтому спрошу еще раз: ты в порядке?

Вместо ответа я сглотнула подступивший к горлу комок.

– Разрешите представить вам вашу новую одноклассницу. Ее зовут Тиффани Ларусс, – сказал мистер Роджерс. – Тиффани приехала к нам из далекого Ньюфаундленда, и все мы очень ей рады. Тиффани, садись. Так, посмотрим... Где у нас еще есть свободное место...

– Спасибо, – негромко сказала Тиффани, повернувшись к мистеру Роджерсу. У нее в волосах мелькнула розовая прядка. Похоже, у этой Тиффани слабость к розовому: рюкзак ее тоже был розовым, как и грубые вязаные носки, выглядывающие из ботинок.

– За нашим столом есть местечко! – услышала я голос Джеммы. – Нас всего трое.

Мистер Роджерс смерил каждую из нас по очереди оценивающим взглядом, словно переживая, что мы с девочками окажем на Тиффани плохое влияние. Его взгляд остановился

на мне. Я попыталась придать себе бодрый вид и посмотрела на мистера Роджерса со всем воодушевлением, на которое была способна. В конце концов... Мистер Роджерс не трогал меня весь урок и дал мне поспать. Он классный и к тому же красивый. Сегодня он оделся по-осеннему, в соответствии с погодой: длинная рубашка, поверх нее – вязаный кардиган грубой вязки. Мистер Роджерс в очередной раз выглядел так, будто подрабатывает моделью у Томми Хилфигера.

Я выдавила из себя неуверенную улыбку. Мистер Роджерс глубоко вздохнул и сказал:

– Что ж, почему бы и нет. Мисс Ларусс, можете сесть на свободное место рядом с мисс Маккензи. Возможно, вам удастся спасти ее от падения во сне. Будет жаль прерывать занятие, чтобы отнести мисс Маккензи в медицинский кабинет.

Класс снова засмеялся. В любой другой день я бы посмеялась вместе со всеми, но сегодня... Увиденное никак не выходило у меня из головы. Оно было таким реальным! Конечно, две бессонные ночи подряд не могли пройти бесследно, но неужели дошло аж до галлюцинаций?! Кажется, я где-то читала, что недостаток сна приводит к глюкам и бредовым фантазиям. Точно, припоминаю что-то такое. Да, наверное, в этом все дело, ведь направляющаяся к нам девушка – Тиффани – совсем не похожа на чудовище.

– Привет, – сказала она высоким, слегка пронзительным голосом и протянула мне руку. – Можете звать меня Тиффи.

Я пожалала ее руку, и... Ничего. В Тиффани не было ровным счетом ничего мифологического, мистического или сверхъестественного. Она выглядела совершенно безобидной. Темно-зеленые глаза смотрели дружелюбно и прямо, улыбка казалась слегка застенчивой. Поздоровавшись с Джеммой и Джиджи, Тиффани села на свободное место справа от меня, вытащила из рюкзака розовую тетрадь и розовую ручку с помпоном на конце. Что ж... Теперь можно с уверенностью утверждать, что ее любимый цвет – розовый и все его оттенки.

Пока Тиффани раскладывала на столе вещи, я рассматривала ее, стараясь, чтобы это не бросалось в глаза.

– Значит, ты из Ньюфаундленда? – шепотом поинтересовалась Джемма. – Как круто... Париж, наверное, кажется тебе тропиками.

– Есть такое. – Тиффани смущенно улыбнулась. – Но дождь мне нравится куда больше снега, поэтому меня все устраивает.

Я решила, что сидеть посередине и молча пялиться прямо перед собой, точно статуя, – это грубо, поэтому повернулась к Тиффани и сказала:

– Добро пожаловать! Эта школа реально классная, мне здесь очень нравится. Раньше я жила в Корее.

– В Корее? Как интересно. Мне бы хотелось туда съездить. Скажи, а там...

– Девушки, – обратился к нам мистер Роджерс, стоявший

на другом конце класса. – Меня радует, что вы не даете мисс Маккензи заснуть... но то, как вы это делаете, радует меня несколько меньше. Вынужден напомнить, что урок еще идет, хотя мои рассказы, наверное, и вполтину не такие интересные, как ваши.

Густо покраснев, Тиффани кивнула.

Я, в свою очередь, уже привыкла к тому, какой убийственный эффект производит мистер Роджерс на всех особ женского пола, поэтому просто состроила кислую физиономию и сказала:

– Это больше не повторится.

Мистер Роджерс строго кивнул и продолжил урок. Стоило ему отвернуться, как Джиджи перегнулась через Джемму и наклонилась к нам.

– Добро пожаловать в фан-клуб мистера Роджерса, – прошептала она, обращаясь к Тиффани. – Я президент.

Смутившись еще больше, Тиффани улыбнулась.

– Мистер Роджерс такой молодой, – зашептала она в ответ. – Неужели уже имеет право преподавать?

– Пока он с нами, мне все равно, на что он там имеет право, – пробормотала Джемма, не отрывая взгляда от доски... а точнее, от мистера Роджерса.

Тиффи хихикнула.

– Прекрасно тебя понимаю.

– А мне кажется... – начала было я и тут же замолчала, потому что мистер Роджерс отвернулся от доски и вни-

мательно осмотрел класс, пытаюсь определить нарушителей спокойствия.

Но на этот раз мы вовремя притворились, что целиком и полностью поглощены изучением растений.

Мистер Роджерс снова повернулся к доске.

Тихонько бормоча себе что-то под нос, Тиффи принялась складывать в свою розовую папку распечатки, которые мистер Роджерс раздал в начале урока.

Наблюдая за ней, я мысленно обозвала себя идиоткой. Что ж, похоже, я потихоньку схожу с ума. Снова. Тиффани – образец нормальности. Она просто безобидная девушка, милая и обычная, которая без ума от розового.

Страшная фурия, которую я увидела рядом с мистером Роджерсом, – не более чем плод моего воображения. Галлюцинация. Результат недосыпа. В последнее время меня окружают сплошные боги и прочие сверхъестественные существа. Еще немного – и дойдет до того, что мне за каждым углом будут мерещиться монстры, тени и пламя. Наверное, стоит заставлять себя спать по ночам.

* * *

Я делала все возможное, чтобы успокоиться, но тревожный звоночек в голове никак не желал смолкнуть. В какой-то момент он стал невыносимым. Может, у меня и правда уже паранойя или мания преследования? Как бы то ни было, я

обязана разобраться, что здесь происходит. Было ли увиденное лишь галлюцинацией? Я попросилась выйти, направилась в туалет, заперлась в кабинке и достала смартфон. На мгновение замерла, прикрыла глаза и вздохнула. Попроситься из класса, чтобы гуглить новую одноклассницу, – есть в этом что-то очень нездоровое.

Но потом я мысленно отвесила себе пинка. Лучше перебдеть, чем недобдеть, осторожность лишней не бывает и все такое. Особенно тогда, когда по уши увяз в мире сверхъестественных созданий.

Я вбила имя Тиффани в строке поиска и буквально в следующую секунду почувствовала зуд. Похоже, выброс адреналина снова активировал яд водорослей из аквариума Нерая. Или так выглядит нервный срыв? Я принялась чесаться. Телефон пришлось положить на колени. Эванджелина выползла из-под одежды и с любопытством уставилась на меня. Кожа горела, и с каждым моим прикосновением зуд только усиливался. Я изогнулась в немыслимой позе, которой бы позавидовал любой йог, закатала рукав кардигана и пораженно замерла. Там, куда на меня попали комочки ядовитой слизи, появились волдыри. Они были синими, а кожа вокруг них непрерывно меняла цвет от вишнево-красного до темно-фиолетового. Я подскочила и пулей вылетела из кабинки, забыв спрятать Эванджелину. Если моя шея выглядит так же, то в класс возвращаться нельзя! Я встала перед зеркалом, развязала шарф, убрала волосы и пригляделась. Так и есть – шею

украшают уродливые пурпурные полосы, а из выреза кардигана выглядывает красное пятно.

Я оперлась руками на широкую раковину, твердо посмотрела на свое отражение и со вздохом подумала: «Добро пожаловать на День открытых дверей карантинного отделения!»

Ну и видок у меня! Как будто вот-вот превращусь в жуткое чудовище. И самочувствие не лучше. Я осторожно вернула шарф на место. После появления Эванджелины я всегда ношу шарфы, чтобы спрятать ее как можно лучше.

Должно быть, Эванджелина услышала мой вздох, потому что подлетела ко мне.

– Подожди минутку, – сказала я и только потом поняла, как безрассудно себя веду. Если сейчас в туалет кто-нибудь войдет, то придется объяснять, почему я разговариваю с вымершим гигантским насекомым. Меня накрыло новой волной зуда. Прихрамывая и извиваясь, как распоследний зомби, я поплелась обратно в туалетную кабинку и позвала Эванджелину. Что ж, моему расследованию придется подождать, сначала надо спросить совета у Энко. Я написала ему в «Ватсап», рассказала про зуд и про страшные пятна. В ответ я ждала насмешек и дурацких шуток, но Энко пообещал, что немедленно свяжется с Нереем и даст знать, если что-нибудь узнает. Его сообщение так меня удивило, что на мгновение я даже забыла про зуд.

В ожидании новостей от повелителя рек я зауглила Тиффани. Первая ссылка в результатах поиска вела на профиль

в «Инстаграме». Я кликнула на ссылку и открыла приложение. Все фотографии были до ужаса нормальными: вот Тиффани с друзьями, вот с родителями. А еще – на уроке физкультуры, посреди стада овец, на Гавайях, у себя в комнате... Тиффани в разных розовых нарядах... Ничего загадочного, мистического или подозрительного. Я задумчиво почесала шею. Эванджелина тем временем принялась носиться по кабинке с такой скоростью, будто участвовала в гонках. Похоже, в Ньюфаундленде у Тиффани много друзей. Да и отношения с родителями у нее, судя по всему, лучше некуда: она выкладывала с ними много фотографий с сердечками в качестве хэштегов.

Я тихо вздохнула. Мне стало чуточку стыдно. Ну а чего я ожидала? Тот факт, что «Тиффани Ларусс» звучит как сценический псевдоним, совсем не означает, что она прячет трупы у себя в подвале.

Страничка в «Фейсбуке» тоже демонстрировала, что Тиффани живет самой обычной жизнью. Любит «Ривердейл», «Сверхъестественное» и «Девочек Гилмор». А еще – книги в жанре фэнтези. Совсем как я. Думаю, мы могли бы подружиться. Похоже, у нас много общего. Она смотрит те же сериалы, что и я, читает те же книги, что и я... Но мой воспаленный недосыпом мозг почему-то решил наклеить на Тиффани ярлык «Загадочна и опасна». Чушь какая-то... Я закрыла вкладку, встала и убрала телефон в карман юбки. Эванджелина угомонилась со своим ралли, приостановилась

и посмотрела на меня, покачивая усиками. Как высидеть урок так, чтобы одноклассники не подумали, что у меня блохи? Я с чувством почесала спину. Тут спасет только железное самообладание. Я жестом сказала Эванджелине вернуться на место, подождала, пока она устроится у меня на ключицах, в последний раз почесалась, поправила шарф и направилась в класс.

* * *

Мне было так плохо, словами не передать. Невозможность почесаться – пытка похлеще, чем отрубание пальцев по одному. По крайней мере, я бы, наверное, предпочла последнее. Эх, почесаться бы! Джиджи то и дело бросала на меня странные взгляды. Я написала ей про свои мучения, но вместо сочувствия получила широкую улыбку. Ну спасибо, чего тут еще скажешь.

К концу урока я почувствовала на себе взгляд мистера Роджерса. Наверняка тот держит меня в поле зрения, чтобы отозвать в сторонку, когда все направятся к выходу из класса.

«Только не это, – подумала я. – Пожалуйста, только не это...»

Мне и без того жутко стыдно: мало того, что я заснула во время урока, так еще и попалась... Это совсем на меня не похоже. Обычно мне нравятся уроки биологии, да и вообще,

в школу я хожу с удовольствием. Но обычно я высыпаюсь по ночам, потому что стараюсь лечь пораньше. Обычно, обычно, обычно...

Я положила вещи в сумку и направилась к выходу, стараюсь идти вплотную к Джемме – надеялась, что мне удастся за ней спрятаться.

Дурацкая затея. Джемма высокая и стройная, как березка. С тем же успехом можно попытаться спрятаться за травинкой.

Я подняла голову и заметила, что мистер Роджерс смотрит прямо на меня. Вот сейчас... сейчас он меня остановит. Все уйдут в столовую, а меня ждет заслуженная отповедь. Просто супер.

«Этого больше никогда не повторится, – мысленно пообещала я и взмолилась: – Пожалуйста, мистер Роджерс, оставьте меня в покое. Я хочу пойти с подругами в столовую и обсудить план по спасению моего парня. К тому же мне до смерти хочется почесаться!»

Я чувствовала на себе взгляд мистера Роджерса, но... ничего не происходило. Он смотрел на меня, потом в его глазах появилось растерянное выражение, и...

Мы прошли мимо. Джемма пожелала мистери Роджерсу всего доброго, но сначала тот никак не отреагировал. Прошло несколько секунд, прежде чем он поднял руку и пожелал того же – как если бы услышал Джемму лишь сейчас. На меня мистер Роджерс больше не смотрел. Я с облегчением

вздохнула.

* * *

Мне удалось продержаться до конца уроков, не заснув и не расчесав кожу до крови.

Первое – благодаря тому, что я пронесла в школу термос с кофе, что было категорически запрещено.

Второе – потому что в какой-то момент зуд перешел в жжение. Я чувствовала себя так, словно вывалялась в крапиве, но лучше уж крапива, чем ощущение, словно тебя кусают блохи.

После уроков я получила сообщение от Энко – тот предложил поехать к Нерею за помощью. И вот мы с Джиджи и Джеммой стоим на ступеньках перед школой. Наконец-то мы остались одни! Тиффани буквально прилипла к нам, и наше трио невольно превратилось в квартет. В итоге мы с девочками не смогли ничего обсудить, потому что иначе выдали бы себя.

Я прекрасно помню, как тепло встретили меня Джиджи с Джеммой в мой первый учебный день, поэтому, несмотря на карусель тревожных мыслей, попыталась вести себя с Тиффани как можно дружелюбнее. Но теперь, когда она ушла и мы с девочками остались наедине, я почувствовала облегчение.

– Как дела? – поинтересовалась Джемма, оглядываясь по

сторонам как секретный агент. Нам повезло: вокруг никого не было. Большинство учащихся покинули школу сразу же после звонка. С тех пор прошло минут двадцать, а мы все еще тут. – Как поживает твой зуд?

– Сейчас он больше напоминает жжение, но от этого не легче. Возможно, у Нерея найдется какой-нибудь магический эликсир, который избавит меня от страданий. – Я взглянула на часы. – Энко заедет за мной в пять.

– Уверена, что у тебя остались на это силы? Сегодня ты выглядишь не просто устало, а так, словно вот-вот упадешь.

– Ничего страшного, – отмахнулась я. – Домашки на завтра почти нет, и до приезда Энко я постараюсь часок полежать.

– Вы снова поедете в Китайский квартал? – спросила Джиджи.

Я кивнула.

– Хочешь с нами?

Щеки Джиджи порозовели.

– Мы с Селки договорились погулять. Он хочет показать мне квартал. И я подумала, может, вы меня подбросите?

– Конечно, без проблем, – улыбнулась я. – Значит, у вас с Селки свидание?

Джиджи взволнованно закусил нижнюю губу.

– Он очень милый. И к тому же прислал мне такие трогательные сообщения...

– Его энтузиазм трудно было не заметить, – вставила

Джемма.

Я посмотрела на нее и спросила:

– А у тебя какие планы? Вы с Ноа к нам присоединитесь?

Джемма покачала головой.

– Мы собираемся в веревочный парк. Я была в этом парке несколько раз, и теперь Ноа жутко хочет там побывать. Я все ему покажу и расскажу и буду надеяться, что он не сломает себе шею.

– Главное, чтобы Сливке с Кексом не пришлось лазить по веревкам, – со смехом заметила Джиджи.

Джемма ответила широкой улыбкой.

– Ну мы могли бы привязать их к спине... Думаю, выглядело бы забавно.

– От Гермеса по-прежнему никаких вестей? – сменила тему Джиджи, и буквально в следующую секунду кто-то позади нас спросил:

– Ой, вы все еще тут? Что делаете?

Дружно повернувшись, мы увидели Тиффани, одетую в розовый плащ.

Джиджи, которая своим вопросом чуть не выдала нас с головой, испуганно зажала рот рукой. Тиффани посмотрела на нее и заметно смутилась.

– Я вам помешала? Простите.

Мы с девочками торопливо покачали головами, и я снова пригляделась к Тиффани. Что-то с ней не так, вот только что? Не могу понять, но тревожный колокольчик у меня в

голове не дает покоя.

Тиффани передернула плечами и сказала:

– Сегодня вы были такими милыми и дружелюбными, и я... У меня здесь никого нет, и я подумала, может, вы захотите потусоваться после школы? Погулять по Парижу или там прошвырнуться по магазинам... – Немного помолчав, Тиффани вздохнула: – Знаете, я так скучаю по своим друзьям...

В ее зеленых глазах было что-то уязвимое и печальное, и я позабыла обо всех своих подозрениях. Все это время я пыталась найти в новенькой что-то странное, так пыталась, что зациклились на этой безумной мысли. Мысли, которую даже не могу выразить словами. Но теперь мне было жаль Тиффани. И в то же время я восхищалась ее честностью.

– Прости, Тиффи, – мягко сказала я. – На сегодня у меня другие планы. У девочек тоже. Джемма идет на свидание, Джиджи – гулять с парнем, с которым недавно познакомилась, а я встречаюсь с другом, нам надо уладить кое-какие дела. Это затянется до позднего вечера.

Тиффани понуро опустила голову, и тогда я добавила:

– Но в выходные мы свободны. Хочешь встретиться и куда-нибудь сходить?

Ее лицо тут же прояснилось:

– Да, было бы здорово! Спасибо! Девочки, вы такие милые! Сегодня я много с кем познакомилась, но вы самые милые из всех. Я с удовольствием куда-нибудь с вами схожу!

Судя по всему, Тиффани обладает способностью говорить

не переводя дыхания. Совсем как Джиджи. Я невольно улыбнулась.

– Давай обменяемся номерами телефонов?

– Да, давай. – Тиффани порылась в кармане плаща и вытащила смартфон. Розовый смартфон. Вот это сюрприз. – Вбейте свои номера, я напишу вам в «Ватсап», и мы потом обо всем договоримся. У вас есть групповой чат?

Мы с Джиджи и Джеммой нерешительно переглянулись. Да, групповой чат у нас есть, но в нем мы обычно обсуждаем мифологическое мироустройство.

– Сейчас я по-быстрому создам группу, в ней и поговорим, – сказала я, уходя от вопроса.

Тиффани, похоже, не заметила нашего колебания.

– Отлично. – Она посмотрела куда-то мимо меня. – А вот и мой отец! Приехал, чтобы забрать меня. – Тиффани махнула рукой в сторону большого серебристого лимузина. – Привет, пап! Я сейчас! – Она снова посмотрела на нас. – Можно будет собраться у меня, если хотите. Я очень люблю печь. Как вы относитесь к кексам?

Джиджи сразу же насторожилась.

– Ты любишь печь? – переспросила она. – Что именно? А кексы покрываешь айсингом или предпочитаешь ганаш?

Джемма посмотрела на меня так, словно Джиджи вдруг заговорила на иностранном языке.

– Айсинг? Ганаш? Понятия не имею, что это.

– Я тоже, – кивнула я, заговорщически улыбаясь. – Поэто-

му предпочитаю не вмешиваться.

Серебристый «Мерседес» посигналил, и Джиджи с Тиффани замолчали.

– Мне пора, – сказала Тиффани. – Была очень рада познакомиться! Я напишу вам. Вот прямо сейчас и напишу. Еще увидимся! – Она побежала вниз по лестнице, напоминая розовый шарик, прыгающий по ступенькам.

– Она любит печь, – сказала Джиджи, сверкая глазами.

Тиффани тем временем проскользнула на пассажирское сиденье лимузина. Водитель – ее отец – снова нажал на клаксон, и мы помахали на прощание.

– Наконец-то она нашла себе единомышленницу, – трагично прошептала Джемма. – Империя пирожков возрастет и станет непобедимой!

Джиджи дружески пихнула ее локтем.

– Пойдем уже. Мне еще нужно успеть сделать уроки, а потом – принять душ и прихорошиться перед свиданием, на что уйдет много-много часов.

– Мне б твои заботы, – улыбнулась Джемма, взмахнув ресницами.

– Ты что, не готовишься ко встрече с Ноа?

– Готовлюсь, конечно.

– Тогда ты и сама понимаешь, что я... – Джиджи посмотрела на меня и запнулась.

– Прости, Ливия, – сказала Джемма, ласково погладив меня по плечу. Девочки резко посерьезнели.

Я в ответ покачала головой.

– Если вы будете постоянно переживать из-за меня, то так и с ума сойти недолго. Я не хочу, чтобы все и каждый разделял мое несчастье. Джиджи, я очень рада, что ты встретила парня, который от тебя без ума. И за тебя, Джемма, я тоже рада. Конечно, я скучаю по Маэлю, но в то же время прекрасно понимаю, что никто из нас не может изменить ситуацию. Вчера мы предприняли попытку освободить Маэля, у нас ничего не получилось, поэтому будем пытаться дальше. Джиджи, Джемма, я знаю, что вы рядом и что вы всегда готовы меня поддержать. Это самое главное. Поэтому не надо обращаться со мной как со стеклянной и не надо в моем присутствии тщательно подбирать каждое слово. Я хочу, чтобы вы веселились и радовались жизни. И я буду радоваться за вас.

– Хорошо сказано, – прошептала Джиджи.

– Согласна, – сказала Джемма и положила руку мне на плечо. – Поехали домой. Наконец-то рабочая неделя подошла к концу.

* * *

Ровно в пять вечера Энко подхватил нас с Джиджи у станции метро, перед которой мы договорились встретиться. Я села вперед, на пассажирское сиденье, и, как только Энко остановился на светофоре, выключила композицию под на-

званием «кот орет под волюнку». Энко, радостно отбивавший по рулю несуществующий ритм, возмущенно возрился на меня:

– Эй, музыку выбирает водитель!

– Знаешь, в первый раз это смешно, а во второй – уже опасно для здоровья.

Видимо, Энко понял, о чем речь, потому что просто пожал плечами и сказал:

– Что ж, ладно. Но в таком случае мне придется занять руки чем-нибудь другим.

С этими словами он ущипнул меня за мочку уха.

Я оттолкнула его руку.

Тогда Энко ткнул меня прямо в ушную раковину. Стало щекотно, и я невольно вздрогнула.

– Энко... – Я схватила Энко за руку, заставляя вытащить палец из моего уха. – Хватит уже.

Стоило отпустить, как он снова меня ткнул. Сидящая за нами Джиджи чуть не подавилась от смеха.

– Немедленно вытащи палец из моего уха! – сказала я. Прозвучало как полный абсурд. Джиджи фыркнула, зажав рот рукой.

Энко покрутил пальцем влево и вправо.

– Посмотрим, что здесь можно найти...

– Прекрати сейчас же, или, клянусь Тартаром, я...

Энко убрал палец и усмехнулся.

– Ты сделаешь что? Бросишь в меня цветы, как в Цербе-

ра? – Судя по всему, происходящее казалось ему невероятно смешным. – Ты выключила мою музыку, а значит, сама во всем виновата.

Энко снова принялся развлекаться с моим ухом. Стало так щекотно, что я чуть не вскочила. На месте меня удержал ремень безопасности. Эванджелина беспокойно заерзала. Растеряв остатки терпения, я схватила Энко за руку, не забывая следить за дорогой: судя по всему, голова у Энко забита сплошными опилками.

– Немедленно прекрати. И смотри вперед, на дорогу, – сказала я, на что Энко лишь рассмеялся.

Тогда я разозлилась уже не на шутку. Я и так вся на нервах из-за этой загадочной сыпи, так еще и Энко подливает масла в огонь своими глупостями! Ладно один раз, пошутили и хватит. Но неужели обязательно пихать палец мне в ухо? Я почувствовала, как изнутри поднимается обжигающая волна гнева.

Это случилось так неожиданно, что я не успела отреагировать: странное тепло, которое, казалось, исходило откуда-то из живота, накрыло меня, словно взрывом, и распространилось по всему телу.

– Ой! К тебе что, подсоединена линия высокого напряжения?! – Энко выдернул руку из моего уха и затряс пальцами. Кожа на них покраснела.

Я посмотрела на его руку, потом на свою, потом снова на его. Это что, волдыри? Ладонь Энко выглядела так, словно

он получил сильный солнечный ожог.

Джиджи попыталась наклониться вперед, несмотря на ремень безопасности.

– Что ты сделал?

Неужели это сделал он, Энко? Я скрестила руки на груди и сказала:

– Что ж, сын Аида, фокус презабавный, но я и сама могу поднять себя на смех.

На светофоре загорелся зеленый сигнал, Энко отвлекся на дорогу, но потом возмущенно вскинулся:

– Не надо делать из меня крайнего! Да моим рукам цены нет! Не знаю, что ты сделала, но больше так не надо. Болит ужасно.

Я посмотрела на его руку, лежащую на руле. Ожог и не думал заживать. Как странно... Обычно раны полубогов заживают очень быстро...

Энко убрал руку с руля, помахал ей и сказал:

– Твоим кремом для рук убивать можно.

– Я пользуюсь кремом для рук с двенадцати лет и пока еще никого не убила.

Энко скривился с таким видом, словно не пытался ввести меня в заблуждение своими трюками. Впрочем, нельзя забывать про тепло, которое я почувствовала у себя в животе. Чем больше я злилась на Энко, тем сильнее оно становилось...

Воцарилась тишина – неуютная и напряженная. Джиджи

вернулась на свое место. Судя по всему, она не сомневалась в том, что случившееся было делом рук Энко. Джиджи вытащила смартфон и принялась что-то печатать – наверное, писала Селки, что мы уже в пути.

Я решила, что не стоит провоцировать конфликт, поэтому не стала трогать радио. Впрочем, «нормальная» музыка была бы сейчас очень кстати...

– Можно включить радио? – наконец спросила я.

Пожав плечами, Энко ткнул в какую-то кнопку. Плеер выплюнул диск, включилось радио, и в следующую секунду из колонок послышался хит, уже не первую неделю возглавляющий хит-парады. Заговорить никто не пытался, и остаток поездки прошел в молчании. Но меня это более чем устраивало.

* * *

Энко благополучно довез нас до Китайского квартала. Мы вошли в химчистку, где нас встретил дружелюбный месье Лин У. Сегодня я так нервничала, что не обратила внимания на водных дракончиков.

Селки с Нереем уже ждали нас в комнате для игры в покер. Нерей был одет в гавайскую рубашку и широкие легкие брюки, а на ногах у него красовались шлепанцы. Как, впрочем, и у его сына.

– Прошу прощения за доставленные неудобства, дорогая

нимфа, – сказал Нерей вместо приветствия и дружелюбно пожал мне руку. – Сейчас я тобой займусь. А мой сын с нетерпением ждал встречи с твоей смертной подругой. Только об этом весь день и говорил.

Селки выглядел так, будто готов сквозь землю провалиться. Джиджи улыбнулась и смущенно опустила взгляд.

– Может, у вас есть какая-нибудь мазь? – спросил Энко, который по-прежнему пребывал в дурном расположении духа, и указал на фиолетовое пятно, выглядывающее из-под выреза моего кардигана. Я как раз сняла плащ и яркий шарф, ставший неотъемлемой частью моего гардероба.

– Зевсова молния меня разрази... – Нерей подошел ко мне и внимательно осмотрел пятно. – Клянусь всеми источниками, я никогда раньше такого не видел.

Я закатала рукав и показал ему еще одно пятно.

Нерей округлил глаза.

– Прости, Ливия, но я ничем не могу тебе помочь. Я никогда не видел ничего подобного.

– Но яд же попал и на вас! Почему у вас ничего нет?

– Эти водоросли из моего царства. Они не могут мне навредить, – ответил Нерей и снова посмотрел на пятно у меня на руке. – Думаю, реакция такая резкая из-за того, что ты луговая нимфа. Возможно, задание, которое я тебе поручил, больше подошло бы для водной нимфы. Но где ее найти? Сейчас это практически невозможно...

Да, мне уже доводилось об этом слышать, причем не раз.

Все вокруг только и говорят о том, что нимфы вымирают или уже вымерли.

– Значит, вы не можете мне помочь? На следующей неделе у меня физкультура... Что я скажу учителям? – Помолчав, я спросила: – Вы, случайно, не знаете, когда эти пятна пройдут?

Нерей выглядел по-настоящему обеспокоенным.

– Нет. Прости, Ливия, мне очень жаль. Если бы я знал, что так будет, то не стал бы просить тебя о такой услуге.

Нерей мельком взглянул на своего сына, который что-то шептал Джиджи на ухо. Захихикав, та игриво стукнула Селки по широкой груди.

– Тогда нам здесь делать нечего, – вмешался Энко. Лицо его было хмурым и пасмурным, как небо во время затянувшегося дождя. – Ливия, кажется, я знаю, как тебе помочь. Но для этого нам придется поехать ко мне. Если ты, конечно, не против.

У него в голосе я расслышала странные нотки. Нерей раздраженно посмотрел на Энко, и тот с демонстративным вызовом скрестил руки на груди.

Я не хотела спорить с Энко на глазах Нерая. Повелитель рек считает нас друзьями. Откуда ему знать, что я стараюсь не оставаться с Энко наедине? Я посмотрела на Джиджи – та лучезарно улыбалась Селки, который, видимо, рассказывал какую-то забавную историю. Нет, я не могу просить ее поехать со мной. Не хочу портить ей свидание. Джиджи за-

служивает вспомнить, каково это – быть влюбленной.

– Да, без проблем, – с улыбкой ответила я. Энко так удивился, что невольно опустил сложенные руки.

Я попрощалась с Селки и Джиджи, которая пообещала мне написать, когда будет время. Нерей лично проводил нас к выходу и сказал, что мы можем вернуться, когда пожелаем. Я поблагодарила его.

Стоило сесть в машину, как мне снова стало не по себе. Во что я ввязалась?

* * *

Энко жил в одном из старейших студенческих общежитий Парижа – иными словами, в таких же спартанских условиях, как и Маэль. Комнатушка была крошечная, метров тринадцать, не больше. Почти все место занимали кровать, один шкаф с книгами и два – с одеждой. Там, где не валялась одежда с вырвиглазными принтами, лежали стопки книг: все вокруг буквально кричало о вкусах и предпочтениях Энко.

Я спрятала смартфон, который не выпускала из рук с тех пор, как по дороге сюда написала Афродите, богине любви. Я с нетерпением ждала ответа – после того как я вызволила ее возлюбленного из царства Аида, она предложила мне свою помощь. Пожалуй, пришло время ею воспользоваться. В машине мы с Энко почти не разговаривали, хотя его настроение явно прояснилось. Я, в свою очередь, старалась не

выглядеть слишком уж напряженной.

Энко небрежно бросил куртку на спинку придвинутого к столу стула и сказал:

– Чувствуй себя как дома.

Я огляделась по сторонам. Сесть здесь можно либо на стул, заваленный одеждой, либо на застеленную покрывалом кровать – единственный островок порядка в этой комнатушке.

– Ой, совсем забыл, – вдруг сказал Энко и обвел помещение рукой: – Давай я сначала устрою тебе экскурсию. Не хочу, чтобы ты заблудилась.

Я обернулась вокруг своей оси – вот вам и вся экскурсия! Мы оба невольно рассмеялись, отчего атмосфера сразу же разрядилась.

– Там уборная. – Энко указал на дверь, которую я даже не заметила, и распахнул ее. Моему взору предстала душевая кабинка, вплотную к которой стоял унитаз, а напротив унитаза – крошечная раковина.

– Я называю это «душалет», – широко улыбнувшись, сказал Энко. – Можно принять душ, сидя на унитазе. Гениальное изобретение. Интересно, почему его до сих пор не запатентовали?

Я улыбнулась в ответ.

– Особенно учитывая, как давно ты тут живешь. Ты хоть развернуться в этом помещении можешь?

– Разве что встав ногами на сиденье унитаза, – с серьезным

выражением отозвался Энко.

Я снова рассмеялась, а потом спросила:

– Можно выпустить Эванджелину? Или сокурсники имеют привычку врывать к тебе без стука?

Энко шагнул к двери, повернул ключ в замке и сказал:

– Проблема решена.

Из-за запертой двери мне тут же стало не по себе, но я подавила в себе это чувство.

– Отлично, спасибо.

Эванджелина, похоже, слышала наш разговор, потому что она немедленно выползла из-под моего выреза и изучающе облетела комнатушку.

– Хочешь чего-нибудь попить?

С этими словами Энко открыл крошечный холодильник, стоявший у него под столом. Обычно люди ставят туда шкафчики для документов, а Энко поставил холодильник. Почему я даже не удивлена?

Энко сунул мне под нос лимонад и спросил:

– Будешь?

Кивнув, я снова посмотрела на кровать. Садиться или нет? Но больше некуда...

– Что-то не так? – поинтересовался Энко, заметив мою нерешительность.

Я снова огляделась. Повсюду – на полках, на полу – стопками валялись книги на самых разных языках. Стены украшали плакаты с фотографиями известных классических пи-

сателей и рекламные афиши театральные постановок. За дверью стояли две гитары, рядом лежал микрофон со скрученным кабелем. Телевизора не было – как, впрочем, и в квартире у Маэля. На столе царил такой же художественный беспорядок, как и во всей комнате: вся его поверхность была завалена папками, тетрадками, учебниками и прочим хламом. Ни единого свободного места! Я разобрала названия парочки учебников по литературоведению, но они ни о чем мне не сказали. Я перевела взгляд на Энко. Кто бы мог подумать, что он такой умный и начитанный?

Энко все еще смотрел на меня, и в его взгляде отчетливо читался вопрос.

Я решила, что лучше пока постою, и нерешительно пожала плечами.

– Удивляюсь тому, как скромно ты живешь, учитывая, что ты... – я запнулась. Если честно, понятия не имею, много ли денег у богов, но если вспомнить роскошный лофт Гермеса, то мало их быть не может.

– Мы не какие-нибудь там вампиры из дамских романов, – серьезно сказал Энко. – Я не обязан развезать на «Порше» только потому, что полубог.

– А ты мог бы купить «Порше», если бы захотел?

– Конечно, мог бы. Но я учусь не в частном универе где-нибудь в Швейцарии. Вот там без спортивной тачки вход на студенческие тусовки заказан. А зачем мне такая машина в Париже? Отец будет помогать мне деньгами, пока я не встану

на ноги. Маэлю и остальным он тоже помогал или помогает. Как только мы находим работу и начинаем зарабатывать сами, то перестаем получать от него пособия. Мы строим свою жизнь, снова и снова. Конечно, у меня остались деньги из прошлой жизни. Но только потому, что я их копил, – сказал Энко и скрестил руки на груди. Похоже, он гордился собой.

Я почувствовала, что невольно впечатлилась этой речью. Боги, безусловно, сказочно богаты, но воспитывают своих детей в скромности.

– Не все, – сказал Энко, будто прочитав мои мысли. – Отпрыски Зевса – богатенькие хлыщи. Зевс забил на них и компенсирует это деньгами. Поэтому все его сыновья ужасно избалованы. Впрочем, меня, наверное, можно назвать старомодным. Деньги, как золото, – не гарантируют счастье, даже если их много. – Энко присел на краешек стола и махнул в сторону своей кровати. – Можешь сесть там.

«Похоже, он не отстанет», – подумала я, села на кровать и внезапно поняла, на что это похоже. Я – на кровати Энко, сам он – на расстоянии вытянутой руки и смотрит на меня сверху вниз...

– Что-то не так? – поинтересовался Энко. Он улыбался, но в его голосе проскользнула неуверенность. Я торопливо закивала. Я ожидала, что Энко будет доставать меня своими заигрываниями, но сейчас, когда мы остались наедине, то увидела его с другой стороны. Даже не знаю, что теперь и думать...

– Тебе нравится этим заниматься? – спросила я, кивнув на лежащую на столе кипу тетрадей.

Энко мотнул головой.

– Да, мне нравится размышлять на такие темы. Нравится разбирать научные мировоззрения людей. Что ни говори, а литературоведение и философия – мои любимые предметы, а в двадцатом и двадцать первом веках появилось множество интересных мыслителей.

– А чем ты раньше занимался?

– Раньше – в предыдущей жизни? Ты ведь об этом?

Я кивнула. Мне известно, что Маэль в прошлой жизни был архитектором. Как же странно говорить об этом как о чем-то само собой разумеющемся!

– Так что? Кем ты раньше был?

– Ты будешь смеяться, – со смущенной улыбкой ответил Энко.

– Нет, конечно же, не буду, – покачала головой я. – Итак, кем же ты был?

– Геологом.

– Геологом?

– Да, именно. Геологом. – Энко широко улыбнулся. – Знаешь, камни бывают очень интересными.

– Ладно, как скажешь, – отозвалась я, но его улыбка не померкла. Он выглядел... счастливым. Всего минуту назад он с восторгом рассуждал о мыслителях, а теперь с меньшим энтузиазмом рассказывал о том, что в прошлой жизни

копался в земле. Меня охватило невольное восхищение.

– Я ужасно много путешествовал. Мне так нравилась моя работа! Я всю жизнь проработал в университете. – Энко замолчал и задумался. – Маэль, наверное, рассказывал, что память о прошлых жизнях возвращается к нам постепенно?

Я кивнула.

– Да, он упоминал об этом. В свой двенадцатый день рождения вы вспоминаете древнегреческий, а остальное – по мере взросления.

– Именно. Но по праву сына Аида, повелителя царства мертвых, я обладаю даром помнить собственную смерть, – сказал Энко, слегка наклонившись ко мне. – Хочешь знать, как я умер?

Он все еще улыбался. Это показалось мне жутковатым, но любопытство пересилило, и я сказала:

– Да, хочу.

– Это случилось в университете. Я был у себя в кабинете и вдруг рухнул на стол, прямо на стопку книг. Сердце у меня не билось. Это был не сердечный приступ, ничего такого. Нет, мое сердце просто остановилось. В кабинете было тихо. Как сейчас помню – тогда тоже стояла ранняя осень. Вот только погода была теплее. Из окна моего кабинета можно было увидеть деревья. Их листья блестели золотом. Помню, незадолго до смерти я еще подумал: «Как же красиво солнце проникает сквозь листву!» На столе у меня стояла полупустая чашка кофе. Я чувствовал, что умру в тот день, и кофе

почему-то был особенно вкусным. Помню, как просмотрел документы, прочитал отчеты моих студентов о стажировке. Я был уже слишком старым, чтобы ездить в экспедиции, но, читая их отчеты, мне казалось, что я рядом. То утро не стало исключением. Я поставил своим ребятам оценки, отодвинул в сторону документы и снова посмотрел в окно. Помню, как подумал: «Надо допить кофе, пока не остыл». По дереву бегала белка, рыжая и жутко быстрая. На секунду я ей позавидовал: сам я передвигался с трудом. И вот тогда мое сердце просто... остановилось. Странное ощущение... Если только оно не останавливается во сне. Я понял, что происходит, и успел подумать только: «О нет». А потом наступил покой. Когда умираешь, жизнь не проносится перед глазами, как фильм. Смерть больше похоже на скатывание с горки. Моя была хорошей – я умер тихо и спокойно. Следующее, что я помню, – это как проснулся в свой двенадцатый день рождения и внезапно понял, кто я такой. После этого мы с приемными родителями больше не могли найти общий язык. Меня передавали из одной семьи в другую, как и Маэля. Теперь я снова отвечаю за себя сам, на чем и успокоился.

Меня так поразил этот рассказ, что я не могла произнести ни слова. Некоторое время мы с Энко молча смотрели друг на друга. В его больших глазах читалась пугающая уязвимость. Откровенность Энко тронула меня до глубины души. Куда делся самоуверенный Казанова, флиртующий со всем, что движется, и уверенный в том, что он – подарок

всему человечеству? Я не знала, что ответить, снова и снова прокручивала в голове рассказ о его смерти. У меня на глазах выступили слезы.

– О нет... – прошептал Энко. – Нет, пожалуйста... пожалуйста, только не плачь! Прости меня. Мы, полубоги, легко говорим о смерти потому, что часто с ней сталкиваемся, но...

– Нет, все в порядке, – перебила я. – Пожалуйста, не извиняйся. Я же сама спросила. Просто это так ужасно, когда кто-то рассказывает о своей смерти...

Энко медленно кивнул.

Я вспомнила о Гермесе, который до сих пор не ответил, и на ум пришел вопрос, и я тут же его озвучила:

– Кто твой наставник? Почему он не поддержал тебя, когда у тебя возникли проблемы с приемными родителями?

– У меня не наставник, а наставница, – ответил Энко, криво усмехнувшись. – Ты ее знаешь.

Шестеренки у меня в голове закрутились на максимальной скорости. «Ее»? Кроме Персефоны, я встречалась лишь с одной богиней.

– Что? Афродита – твоя наставница?

– Афродита научила меня всем премудростям соблазнения смертных, но она не из тех, кто умеет подставить плечо в трудную минуту. Можешь представить, чтобы она бдила у постели больного или поила горячим молоком с медом, если приснился кошмар?

Я покачала головой. Мне нравится Афродита, она не злая и не холодная, но материнских чувств у нее не больше, чем у кукушки, подбрасывающей яйцо в чужое гнездо.

– В это трудно поверить, но Аид хорошо о нас заботится. Поэтому наставники нам не особо-то и нужны. Да, отец вспыльчивый, да и с Персефоной обходится плохо, но Персефона воздаст ему за все свои обиды сторицей. На протяжении уже трех тысяч лет. Думаю, он получает по заслугам. С Афродитой мы почти не общаемся, так что по сути наставника у меня нет. – Энко отстранился от стола и добавил: – Но хватит обо мне! Время заняться твоей проблемой. Кожа все еще чешется? Сильно?

– Сейчас она скорее горит. Но хуже всего эти пятна, они становятся все темнее... Какие будут предложения?

Энко серьезно посмотрел на меня.

– Есть у меня одна настойка... – сказал Энко с серьезным видом. – Но ей уже сто лет, поэтому не знаю, подействует ли она. Попробовать стоит, но должен предупредить: может быть больно.

Я тяжело вздохнула и ответила:

– Все так ужасно чешется, что уж лучше я потерплю боль, поверь.

Энко несколько секунд разглядывал меня, затем повернулся к столу.

– Секунду. Сначала мне понадобится ключ...

С этими словами он выудил маленький бронзовый ключ

из подставки для ручек, коих на столе было не сосчитать.

– Ого! Ключ от тайной комнаты! Совсем как в «Гарри Поттере». Там ты прядешь свои зелья?

Энко громко рассмеялся.

– Да, мы, слизеринцы, такие. Настоящие знатоки Темных искусств. – Он притворился, что накидывает на себя мантию. – Добро пожаловать, дорогая маггла.

Я рассмеялась в ответ.

Усмехнувшись, Энко поиграл бровями, потом повернулся к книжному шкафу, вытащил из него толстую книгу и осторожно положил ее посреди стола. Я наклонилась, чтобы разглядеть написанное на корешке название.

– Тадам! – триумфально воскликнул Энко, словно исполняя какой-нибудь зрелищный фокус.

«Большая поваренная книга средиземноморской кухни». Пожалуй, хранить волшебное зелье в поваренной книге – это даже логично. Энко приложил ключ к обложке, на которой была изображена корзинка с яркими овощами. Ключ погрузился в книгу и полностью исчез. В следующее мгновение обложка откинулась, словно крышка, и внутри я увидела бутылек – маленький, не больше флакона духов. Корпус его был граненым и неестественно мерцал. Казалось, внутри находятся множество эльфийских огоньков.

– Вот это да, – прошептала я. – Как же красиво!

Энко вытащил бутылек и осторожно взвесил его в руке.

– Ну... у таких вещей всегда есть обратная сторона, не

правда ли?

Он сунул бутылек мне в руки. Какой тяжелый! Можно подумать, он не стеклянный, а каменный. Внутри бурлила прозрачная жидкость.

– Из чего он сделан? Из драгоценного камня? – поинтересовалась я.

– В точку. Это оникс, точнее – одна из его разновидностей. Его можно найти только в подземном царстве. Знаешь, почему пузырек светится?

Я покачала головой.

– Не знаю, но это в любом случае невероятно красиво.

Энко осторожно забрал у меня бутылек.

– Ты наверняка знаешь, откуда берутся драгоценные камни? Различные минералы сжимаются вместе с большим давлением, пока не образуется камень. Оникс мерцает потому, что состоит из пепла тысяч сожженных душ. Это то, что осталось от их сознания, души, воспоминаний. Лично мне кажется, что это свечение похоже на то, будто что-то изо всех сил пытается вырваться из камня. – Энко поставил бутылек на стол.

При взгляде на него у меня пробежал холодок по коже.

– Господи! Кто мог такое сотворить?!

Теперь я видела то же, что и Энко. От камня исходила слабая пульсация, и свечение, казалось, соответствовало ритму. Выглядело так, будто что-то и правда пытается вырваться наружу.

– Бутылек принадлежит Оркусу – мастеру пыток, обитающему в Тартаре. В детстве мы с Маэлем частенько пробирались в его владения. У Оркуса в подземном царстве свои владения, они немного в стороне. Это самое низкое место в Тартаре. Там, внизу, происходят действительно ужасные вещи. Когда мы подросли, отец водил нас туда, – чтобы закалить и все такое, – но мы приходили туда и раньше. Развлекались, раздражая Оркуса. Он такой забавный, когда злится. Ирония заключалась в том, что он не мог нам навредить, потому что отец – его босс, и мы находились под его защитой.

– Что, серьезно? – вздохнула я, качая головой. – Гулять по камерам пыток – жутко, а специально бесить кого-то – так вообще последнее дело. К тому же только потому, что он «забавный, когда злится». Дай угадаю: бутылек ты украл у него?

– Само собой, – усмехнулся Энко. – Эта вещица показалась мне красивой, и я захотел ее себе.

– Ну естественно, – театрально вздохнула я. – Я даже не удивлена. Со своими фанатками ты тоже так делаешь? «Она показалась мне красивой, я захотел ее себе и взял с собой».

Усмешка Энко исчезла. Он слабо покачал головой и сказал:

– Да ладно тебе. Это просто шоу, спектакль, чтобы соответствовать имиджу рок-звезды. Публика ждет такого поведения. Недавно у нас с ребятами было интервью. И вот представь: Ноа сидит в идеально выглаженной рубашке и расска-

зывает о том, что по воскресеньям любит долго сидеть за завтраком и читать газету. Девушка, которая брала у него интервью, чуть не уснула от скуки.

У меня вырвался смешок.

– Не впутывай сюда Ноа! Он классный. Джемма от него без ума.

– Ты права. Похоже, они с Ноа отлично друг другу подходят. Ноа говорит только о ней.

Я указала на бутылек и спросила:

– А дальше что? Что нам с ним делать? И, самое главное, что за жидкость находится внутри?

– Вообще-то ее используют для пыток.

Я уставилась на Энко, широко раскрыв глаза.

– Что, серьезно? Ты запер дверь, чтобы связать меня и пытаться?

– Ну мыслишки! – громко рассмеялся Энко. – Как тебе не стыдно?

Я пропустила этот двусмысленный намек мимо ушей и снова спросила:

– Что внутри? Давай колись!

Энко взял бутылек и с тихим хлопком вытащил пробку.

– Понюхай, – предложил он.

Я окинула его недоверчивым взглядом.

– Я ведь не останусь без носа?

– Не попробуем – не узнаем, верно?

С этими словами Энко поднес бутылек к лицу и глубоко

вдохнул. Поморщился, но нос его остался на месте.

– Ладно, давай сюда.

Я взяла бутылек и осторожно принюхалась. От жидкости пахло остро, как если бы в соковыжималку положили свежий лук, чили и халапеньо. В носу стало покалывать, и мне пришлось на мгновение зажать его, чтобы не чихнуть.

– Если кожа будет гореть от этого так же сильно, как нос, то про зуд я точно забуду.

– Это экстракт яда доисторических медуз. Раньше их яд был куда опаснее, чем сейчас. Медузы – древние существа, они жили бок о бок с динозаврами, но за прошедшие тысячелетия многие из смертоносных видов вымерли. Этот яд практически безвреден, но кожу обжигает только так. Ну как правило.

– Как правило? – переспросила я дрогнувшим голосом. – Я луговая нимфа, а не какой-нибудь там мутант!

– В этом-то и дело, – сказал Энко, покачивая настойку в бутылке из стороны в сторону. – Ты – дитя природы, поэтому попробуем гомеопатический принцип *similia similibus curantur*. «Подобное лечится подобным». Может быть, раны от яда водорослей заживут, если помазать их чем-то похожим. Медузий яд тоже является нейротоксином, они действуют по одинаковому принципу.

– Хочешь сказать, – начала я, скрестив руки на груди, – что твой способ, «может быть», подействует. А если нет, то плоть отделится от моих костей, потому что кислота про-

жжет меня насквозь?

Энко неопределенно кивнул.

– Сначала попробуем намазать какое-нибудь незаметное место...

– Незаметное?! Иными словами, ту часть тела, без которой можно будет обойтись?!

– Ливия, я почти на сто процентов уверен, что это сработает. Гомеопатия – древняя наука. Ты – сверхъестественное создание, дитя природы, поэтому яд наверняка подействует.

– Несмотря на то что я – дитя природы, у меня аллергия на растения, с которыми якобы должна находить общий язык.

– Не аллергия, а реакция на яд. Это совсем другое.

– Неужели?

– Конечно. Тебе будет больно... очень больно. Жжение будет ужасным, но ты не умрешь. В этом и заключается смысл пыток – в том, чтобы причинить боль. Если истязаемый быстро умрет, цель достигнута не будет.

– Ты просто невозможен, – простионала я.

– Но я прав.

С этими словами Энко приложил палец к горлышку бутылка и перевернул его, смачивая палец настойкой. Потом протянул вперед. Кожа на подушечке пальца сразу покраснела и покрылась волдырями. Энко поморщился – видимо, яд подействовал в полную силу. Его рука задрожала, но вскоре дрожь прекратилась. Волдыри заживали у меня на глазах, и я кое о чем вспомнила.

– Ты полубог, а у вас, в отличие от меня, рекордно быстрая регенерация.

– Оркус пытается этим ядом тех, кто только умер, – тихо сказал Энко. – Иными словами, людей – точнее, тех, кто раньше ими был. Этот яд тебя не убьет, поверь мне.

Я глубоко вздохнула, призывая на помощь все свое мужество.

– Ладно, давай попробуем, – произнесла я и закатала рукав кардигана, демонстрируя Энко длинный красный рубец. Эванджелина тем временем возилась с карандашом: катала его по полу взад-вперед. Это было ее любимым занятием, не считая сна и воздушных пируэтов. Похоже, происходящее ее совсем не волновало.

Энко сел рядом со мной на кровать, снова смочил палец настойкой и принялся растирать мою рану. Меня словно током ударило – руку пронзила резкая боль, которая распространилась по всему телу, она начала неконтролируемо трястись. Жжение было ужасным, кожа мгновенно покрылась волдырями. Рубец не поблек, напротив – стал еще темнее, сначала красно-коричневым, а потом почти черным. Похоже, ткань начала отмирать. Меня охватил страх.

– Ничего не получается... Ничего не получается... Энко, посмотри на мою руку! – Я хотела было убрать руку, но Энко крепко держал меня.

– Ливия, подожди секунду.

– Нет! – закричала я, отчаянно пытаюсь вырваться из чу-

жой хватки. Мне хотелось вскочить, броситься в ванную и сунуть руку под струю воды. – Надо смыть яд, и как можно скорее! Черт, как же больно!

Через несколько секунд жидкость высохла, оставив после себя маслянистую пленку. Боль притупилась и вскоре совсем утихла.

– Ничего не получилось, – сказала я. – Сам посмотри. Стало даже хуже, чем раньше.

Энко наклонился, внимательно осматривая мою рану.

– Подожди-ка... – сказал он и осторожно коснулся ее пальцем. Красновато-коричневая кожица стала облезать. Энко стянул ее, словно пластырь, и под ней показалась светлая неповрежденная кожа.

Я уставилась на нее во все глаза.

– Поверить не могу! Откуда ты знал, что так случится?

Энко лишь пожал плечами.

– Клочок кожи выглядел так, будто его можно снять.

– С ума сойти... – Теперь я полностью поверила в то, что предложенный Энко способ подействует. – Давай попробуем намазать и другие места?

Я закатала другой рукав и поинтересовалась:

– Как там твой палец?

– Терпимо, – отозвался Энко.

– Спасибо за помощь, – улыбнулась я.

Энко осторожно отодвинул манжету у меня на рукаве и сказал:

– Давай продолжим.

Во второй раз было так же больно, как в первый, и мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы сдерживать дрожь. Потом Энко перешел к волдырю на ключицах. Я смущенно отвела взгляд в сторону. Он сидел так близко, к тому же мне пришлось низко оттянуть воротник...

Кожу пронзило ударом тока, и у меня перехватило дыхание.

– Успокойся, все хорошо, – зашептал Энко. – Это самое плохое в нейротоксинах. От них возникают проблемы с дыханием и глотанием. Но тебе скоро полегчает.

Я судорожно хватала ртом воздух, чувствуя, что задыхаюсь. В какой-то момент боль показалась невыносимой, но потом внезапно все прошло.

– Если хочешь, можно устроить перерыв, – предложил Энко, изучающе глядя на меня. – Хочешь прилечь?

– Я хочу со всем покончить, – покачала головой я, повернулась к нему спиной и немного спустила кардиган с плеч. – Со спиной дела обстоят особенно плохо.

– Да, так и есть. – Энко потянул ткань ниже, и я вздрогнула, почувствовав его теплое дыхание на своей шее. Энко осторожно коснулся волдыря, и от его прикосновения по коже побежали мурашки. – Ты невероятно храбрая, – прошептал Энко мне в шею, продолжая водить пальцем по моей коже. Затем он еще отодвинул мои волосы в сторону и спросил:

– Можно опустить кардиган еще немного?

– Конечно, – торопливо сказала я. Мой голос прозвучал хрипло. Это не последний волдырь у меня на теле. Гораздо логичнее было бы снять кардиган, но... это казалось крайне неуместным. Нет, не хочу раздеваться. Мы уже избавились от большинства волдырей, а остальные и сами заживут. Я потерплю. Вряд ли их кто-то обнаружит.

Но этот волдырь на шее болит по-настоящему сильно. Я зажала рот кулаком, чтобы не зарыдать, но на глазах все равно выступили слезы.

– Прости, мне очень жаль, – прошептал Энко.

Плечи у меня задрожали, я прикусила сжатый кулак и всхлипнула. Вскоре боль утихла. Энко стянул старую кожу, похлопал меня по спине и накинул на плечи кардиган. Коснулся моих волос, возвращая их на место. Я прикрыла глаза, но потом резко повернулась и встала. Энко тоже встал. Мы оказались так близко, что почти касались друг друга.

Глаза Энко сияли неестественно ярко.

– Ты как?

– Кажется, неплохо, – отозвалась я, проглотив слезы.

– Вернись на кровать, посиди еще минуту-другую. Такие вещи – настоящая встряска для организма.

Я была сбита с толку, чувствовала растерянность и не знала, что делать, но возвращаться на кровать точно не собиралась.

Энко снова потрепал меня по волосам.

– Тебе не обязательно уходить прямо сейчас. Задержись

ненадолго. Отдохни. Ты голодна? Давай я закажу что-нибудь поесть. – Он придвинулся чуть ближе. – Моя кровать не кушается.

О да, Афродита многому его научила.

– Нет, спасибо, – ответила я и торопливо потерла глаза, чтобы Энко не заметил моего смущения. – Я не голодна. Мне еще надо доделать домашку.

Энко все понял. Коротко кивнув, он подошел к столу, взял пробку и закупорил бутылек.

Я почувствовала себя неблагодарной скотиной, поэтому подошла к нему и взяла его за плечо.

– Спасибо, Энко. Ты оказался прав, и я рада, что ты меня на это уговорил. Настойка почти закончилась, и я чувствую себя виноватой. Но я хочу, чтобы ты знал, что я очень благодарна тебе за помощь.

Энко обернулся. У него в глазах промелькнула целая гамма чувств. Он посмотрел на мою руку, все еще лежащую у него на плече, и накрыл ее своей.

– Не за что.

– Если ты занят, я могу поехать домой на метро.

– Да нет, не особо, – ответил Энко, и в его взгляде снова появилось странное выражение, которое я не смогла распознать. – Если ты хочешь домой, то я, конечно же, тебя отвезу.

Энко спрятал настойку, вернул книгу на полку и взял со стула куртку. Все это время я молча наблюдала за ним.

Он подошел к двери и уже успел отпереть замок, когда

я вспомнила об Эванджелине и позвала ее к себе. Похоже, я задела Энко. Наверное, он думал, что остаток вечера мы проведем здесь, у него в комнате. Будем болтать, есть пиццу и смотреть друг другу в глаза. Эванджелина вернулась на свое место, после чего я торопливо накинула плащ и взяла с пола сумочку. Я чувствовала себя ужасно и все думала, не поощряла ли я его каким-либо образом. Посылала ему неверные сигналы. Энко – настоящий красавчик, кроме того, представлял собой опасную смесь самоуверенности и обаяния.

Но для меня он навсегда останется братом Маэля. И только.

– Пойдем? – Энко приглашающе распахнул дверь и широко улыбнулся, но я прекрасно видела, что улыбка эта была наигранной.

* * *

Вернувшись домой, я внимательно осмотрела в зеркале волдыри – а точнее, целую кожу на их месте. Настойка со-творила настоящее чудо. Довольная, я влезла в удобные штаны и футболку. Эванджелина порхала по комнате. Чем позже время на часах, тем бодрее она становится. Но сейчас мне было не до ее пируэтов. На экране телефона высвечивалось уведомление о шести непрочитанных сообщениях. Я нажала на иконку «Ватсапа», и меня тут же накрыло волной разоча-

рования. Вместо сообщений от Афродиты, Маэля или Гермеса вся активность исходила от нового группового чата. Четыре сообщения от Тиффани и вежливый ответ от Джеммы. Тиффани писала так, будто мы уже успели стать друзьями не разлей вода. Это довольно странно... Судя по сообщениям Джеммы, она разделяла мое удивление.

Наверное, Тиффани просто хочет побыстрее обзавестись новыми подругами, потому что тоскует по дому. Это чувство мне хорошо знакомо. Стоит уехать, как о тебе забывают. Большинство из тех, кто ходит в школы для детей дипломатов, предпочитают выстраивать поверхностные отношения, которые рушатся сразу после отъезда. Конечно, хочется влиться как можно быстрее, чтобы не чувствовать себя одиноким. Со мной происходило то же самое.

Я проглядела сообщения в чате. Речь шла о том, чтобы устроить в субботу шопинг. Тиффани хотела посмотреть парижские магазины, и Джемма уже согласилась с ней встретиться. Наверное, она сочла само собой разумеющимся, что мы с Джиджи тоже пойдем. Я написала короткое сообщение, соглашаясь на встречу. Джиджи пока не ответила – наверное, она все еще была с Селки.

Я закрыла чат и просмотрела другие сообщения. Гермесу я писать перестала. Последний раз он был в сети еще перед сражением в катакомбах. Все сообщения, которые я отправила после этого, так и остались непрочитанными. Выдвинув ящик стола, я вытащила из него телефон Маэля. К счастью,

Маэль не установил на него защитный код. Стоило нажать на экран, как телефон разблокировался. Порывшись в своих закромах, я отыскала кабель для зарядки, подходящий к этой модели. Но телефон Маэля ничем мне не помог.

Я взяла два телефона – свой и его – и села на кровать. Кровать всегда была моим убежищем. Когда мне было плохо, я могла весь день напролет сидеть, закутываясь в одеяло, разложив все вокруг себя. Тогда мой мир сужался до двух квадратных метров, и тем не менее я не чувствовала себя стесненной, наоборот – мной овладевало чувство безопасности. Эванджелина приземлилась на подушку рядом со мной, но под ее весом та даже не шелохнулась. Она была слишком легкой. Эванджелина начала расхаживать по одеялу, можно было подумать, ей нравится гулять по мягкой ткани. Я улыбнулась ей и снова принялась изучать телефон Маэля. Я вытерла с него кровь, но я никогда не забуду этого зрелища. Я снова нажала на экран. До этих пор я не осмеливалась рыться в телефоне Маэля. Это казались слишком... личным. В «Ватсапе» я обнаружила всего три чата: со мной, с Гермесом и группу под названием «Братья катафилы». В ней были десятки непрочитанных сообщений, но я не стала их открывать. У Маэля на телефоне были установлены «Инстаграм» и «Фейсбук», и здесь красные кружки справа от значков показали, что у него много новых сообщений. Поддавшись порыву, я щелкнула на папку с фотографиями. Здесь я тоже нашла очень мало. Несколько фотографий страниц

из какой-то книги, старые карты катакомб, отчеты о скрытых проходах. Коротенький текст из реферата о философии, о котором он мне рассказывал. Я удивленно остановилась, наткнувшись на свои фотографии. Это были фотографии из моего «Инстаграма». На некоторых из них были обрезаны все, кроме меня.

Сердце у меня болезненно сжалось, на глаза выступили слезы, и я торопливо погасила экран. У нас нет ни одного совместного фото. Жизнь бывает такой несправедливой! Что-то может закончиться, едва начавшись. Раньше я думала, что нам пока еще рано вместе фотографироваться, ведь мы знакомы всего ничего... К тому же я не из тех, кто делится с «Инстаграмом» всем, что происходит в жизни. Теперь я ужасно жалею, что нет ни одной фотографии, на которой мы с ним вдвоем...

Я упала на подушку. Первая попытка вызволить Маэля из заключения обернулась провалом. Зевс не стал меня слушать, только разозлился. Но Энко считает, что их родной отец не нанес бы ему смертельных увечий. Он не сомневается в том, что его брат еще жив. Я тоже. Я бы почувствовала, если бы Маэль умер. Несмотря на то что огненная корона у меня на коже поблекла, я уверена, что между нами все еще существует крепкая ментальная связь. Посмотрев на левую руку, я увидела водную корону, мерцающую голубоватым светом. Метка все еще на месте, и, поскольку я получила ее лично от речного бога Неря, она, вероятно, останется

там на какое-то время. Я перевела взгляд на другую руку и всхлипнула. Слезы подступили к глазам.

Огненная корона у меня на коже полностью пропала.

Глава 4

Шопинг с феноменами

В постели я провалялась почти до обеда. Вчера вечером, вернувшись домой, я заставила себя сесть за домашку и... не заметила, как заснула. Проснулась только под утро. Сбросила с кровати учебники с тетрадками и снова легла спать. После этого я не просыпалась, пока не раздался стук в дверь.

– С каких пор ты запираешься на замок? – поинтересовалась мама.

Не ответив, я посмотрела на будильник, стоящий у меня на прикроватной тумбочке. Полдвенадцатого. Вот это да!

– Уже встаю, – пробормотала я.

Мама что-то недовольно проворчала, но оставила меня в покое. Эванджелина, похоже, тоже проснулась – я почувствовала, как она копошится у меня в волосах, где, судя по всему, устроила себе ночлег. Я нащупала телефон и ткнула в экран. Шесть непрочитанных сообщений, все от Тиффани. Одно пришло сразу после полуночи, другое – в два часа ночи, следующие – в полтретьего, в четыре и шестом часу. Последнее сообщение было получено около десяти утра. Я быстро просмотрела групповой чат. Речь шла о сегодняшнем походе по магазинам. Я отправила короткий ответ и хотела было закрыть «Ватсап», но тут появилось сообщение от

Джиджи.

Джиджи написала, что придет. Через секунду она написала еще одно сообщение, но уже не в общий чат, а мне в личку.

«Как думаешь, Тиффи когда-нибудь спит?»

Следом она отправила три смайлика с широко раскрытыми глазами.

Мне было лень печатать, поэтому я отправила Джиджи голосовое сообщение:

– Наверное, она скучает по дому.

Мы с Джиджи обменялись последними новостями. Я рассказала о помощи Энко и о своих переживаниях из-за того, что могла ранить его чувства. Джиджи рассказала о свидании с Селки. Они отлично провели время. Судя по всему, Джиджи нравилась его незамысловатость и прямота. Они договорились сходить сегодня на концерт «Гарпий». Джиджи находилась в приподнятом настроении – похоже, ей не терпелось снова встретиться с Селки. Я была за нее очень рада.

Джиджи сочла шопинг отличной идеей – мол, после неудачи с Зевсом мы пали духом и нам не помешало бы немного развеяться. Я согласилась.

Мы договорились встретиться в час дня, поэтому времени у меня оставалось в обрез. Тут не до рефлексии. Надо было поторопиться. Я помогла Эванджелине выпутаться из моих волос и поплелась в ванную, оставив бабочку на кровати (похоже, она не очень-то любила воду). Я еще не до конца

проснулась. Стоило встать под душ, как с руками случилось что-то странное. Я поднесла ладони к лицу и увидела между пальцами тонюсенькие перепонки.

– Глазам своим не верю, – прошептала я и пощупала шею. Быть этого не может! У меня снова появились жабры! На внутренней стороне левой руки светилась водная корона. Она была не такой яркой, как вчера, но все еще довольно отчетливой. Наверное, побочные эффекты не пройдут, пока корона не исчезнет. Господи, пожалуйста, пусть в ближайшие дни я не попаду под проливной дождь! А не то я окажусь в дурацкой ситуации. Перепонки, подумать только! Снова раздвинув пальцы, я принялась их рассматривать. Тонкие, они переливались голубоватым цветом. Потом я потянулась за медовым шампунем, намылила волосы и поняла, что у этих перепонок есть по меньшей мере один плюс: благодаря им пены получилось вдвое больше. Такое ощущение, будто я в медовом раю...

* * *

В час ноль-ноль мы встретились на станции «Елисейские Поля». Джемма могла похвастаться новеньким бордовым шарфиком, Джиджи – до неприличия радостной улыбкой, которая бывает только у влюбленных, а я – тем, что успела избавиться от жабр и перепонок между пальцами. К счастью. А вот Тиффани не явилась. Первые десять минут пролете-

ли незаметно: мы с Джеммой расспрашивали Джиджи о ее вчерашнем свидании. Джиджи покраснела как маков цвет. Я сочла это хорошим знаком. К тому времени, как она призналась, что сбежала тогда из комнаты для покера только потому, что смутилась из-за слов Селки, у нее покраснели даже уши. Конечно же, мы принялись ее дразнить.

В какой-то момент Джемма взглянула на часы и покачала головой:

– Что, серьезно? Так она друзьями не обзаведется.

Я уже писала Тиффани сообщение, когда на обочине остановился большой серебристый «Мерседес». Тиффани выпрыгнула из него, как розовый мячик.

– Девочки, пожалуйста, простите! – воскликнула она. – Я и подумать не могла, что будут такие пробки! – Она обернулась к машине: – Пока, пап!

Отец Тиффани помахал нам в открытое окно. Он выглядел довольно симпатично: светлые волосы, мягкие черты лица. Вот только Тиффани была на него совсем не похожа...

Мы дружелюбно помахали в ответ.

– У тебя очень приятный отец, – вежливо сказала Джиджи, хотя ситуация показалась нам странной. Ни одна из нас никогда бы не попросила родителей отвезти ее на встречу с друзьями. Я стеснялась даже Жана, нашего водителя, которого посылали за мной родители. А вот Тиффани, похоже, совсем не стеснялась своих родителей. Лучезарно улыбнувшись, она сказала:

– Мой папа просто супер. К счастью, у меня хорошие отношения с предками. – Тиффани пригладила свои блестящие волосы. – Меня буквально распирает от предвкушения! Я так рада, что вы пригласили меня с собой! Это так мило с вашей стороны. И, пожалуйста, простите меня за опоздание.

После слов Тиффани взгляд Джеммы немного смягчился.

– Если честно, я уже думала, что ты не придешь. Но ты здесь, и это главное, – сказала она.

Тиффани благодарно улыбнулась и пообещала:

– Такого больше не повторится. Итак... Куда пойдём в первую очередь?

Джемма кивком указала на Джиджи.

– Вот наш эксперт по моде. Если хочешь обзавестись гардеробной размером с самолетный ангар, то тебе к ней.

Я невольно улыбнулась, но Джиджи, похоже, крайне обрадовалась этому сомнительному комплименту.

– Следуйте за мной! – Она подняла руку, косясь на руководителя туристической группы. – Держитесь вместе и постарайтесь не отставать.

Само собой, Джиджи спланировала наш шопинг-тур до мельчайших деталей. Сначала мы прошли по бутикам, затем перекусили запеченными сэндвичами и отправились в крупные магазины модной одежды.

Через четыре с половиной часа Джемма решила сдать-ся. Во-первых, она тащила добрую половину наших покупок, а во-вторых – выглядела так, будто едва держится на

ногах. Остановившись перед одним из стеллажей в магазине «Н&М», Джемма прикрыла глаза и сказала:

– Все. Я устала от шмоток. Видеть их больше не могу. И знайте: следующий, кто попытается всучить мне платье, будет погребен здесь, в горе тряпья.

Я понимающе похлопала ее по плечу, свободной рукой продолжая перебирать юбки из новой осенней коллекции. Джиджи и Тиффи только захихикали – судя по всему, слова Джеммы не произвели на них должного впечатления. За четыре с половиной часа они обнаружили, что им нравится одинаковый стиль в одежде (с той лишь разницей, что Тиффани предпочитала все розовое), и теперь болтали так, будто знали друг друга всю жизнь. Я сочувственно посмотрела на Джемму и сказала:

– Мы скоро закончим. Концерт начинается в восемь, а нам еще надо отдохнуть, привести себя в порядок, переодеться и добраться до места.

– А мне – промыть мозги, иначе ночью мне будут сниться сплошные платья да чулки...

Джемма оставалась верна себе – она купила только узкие голубые джинсы, парочку самых обычных футболок и серый шерстяной свитер – единственную вещь по погоде.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но тут кто-то закричал, и со всех сторон послышались приглушенные перешептывания. Поднялся шум, все повалили к выходу. Мы с девочками переглянулись. Джиджи повесила платье, которое

показывала Тиффани, и поинтересовалась:

– Что здесь происходит?

– Давайте посмотрим, – предложила Джемма и направилась вперед. Мы последовали за ней. Перед выходом столпилось столько народу, что мы с трудом выбрались наружу.

Тогда я заметила кое-что странное.

– Почему так темно?

Мы стояли на улице. На часах еще не было и шести вечера, осень только началась, и на улице не должно так быстро стемнеть.

– Вау-у-у, – протянула Джиджи. – А это еще что?

Она ткнула куда-то влево. Я проследила за направлением ее взгляда и ахнула. Вот это да! В небе сияли тысячи огоньков, которые, казалось, слились в одну галактику.

Какой-то мужчина рядом с нами любезно ответил:

– Это блуждающая звездная туманность. – Он казался озадаченным. – Но обычно эти туманности так далеко, что их можно увидеть только в телескоп.

Присмотревшись, я увидела едва заметную пульсацию, исходящую от звезд. Они напоминали пузыри в кипящем супе.

Любезный мужчина повернулся к своей спутнице и сказал:

– Пульсация, которую мы видим, – это потоки плазмы, или протуберанцы. Но с этого расстояния их не должно быть видно!

Джиджи побледнела как полотно.

– Неужели настал конец света? – тихо спросила она. В следующую секунду зазвонил ее телефон. – Да, мам. Все хорошо. Мы на улице, перед входом в «Н&М». Хорошо, мы останемся здесь. Скоро увидимся. – Джиджи отключилась и повернулась к нам. – Мои родители рядом, они за нами заедут.

Со всех сторон слышались звонки телефонов. Я вытащила свой смартфон и увидела пропущенный вызов от мамы. По позвоночнику пополз липкий страх. На улице так темно, да еще эти странные звезды в небе... Я набрала маму по быстрому набору.

– Что все это значит? – поинтересовалась Джиджи. – Почему мы видим то, что находится так далеко?

Услышав ее вопрос, любезный мужчина повернулся к нам. Он сильно побледнел.

– О блуждающей туманности почти ничего не известно. Поэтому происходящее может означать только одно: Вселенная сжимается.

Испуганно ахнув, я машинально схватила Джиджи за руку. Джемма тихо говорила с кем-то по телефону. Она являла собой само спокойствие – как, впрочем, и всегда. Я посмотрела на Тиффани. Та стояла расправив плечи и устремив взгляд в небо. Ее лицо выражало самые разные чувства: гнев, грусть, любопытство, удивление... Но только не страх.

Наконец мама взяла трубку.

– Ты где? Никуда не уходи! Мы с папой сейчас за тобой

придем.

Я сказала, где мы, и добавила:

– Родители Джиджи отвезут меня домой.

– Нет, это исключено. Мы за тобой приедем.

– Но сейчас все рванут в центр, чтобы забрать своих родных и близких. Родители Джиджи неподалеку. Они вот-вот будут на месте...

– А вот и они, – закричала Джиджи. – Пойдемте!

– Я скоро буду дома, мам, – пообещала я. – Не волнуйся.

И с этими словами я положила трубку.

Джемма с Джиджи направились к машине. Морально подготовившись пробираться сквозь толпу, я посмотрела на Тиффани.

– Тиффи, пойдем!

Тиффани стояла неподвижно, словно статуя, и смотрела в небо. У нее во взгляде я прочитала гнев и печаль. Страху по-прежнему не было.

– Тиффи?

Моргнув, она посмотрела на меня.

– Родители Джиджи приехали. Они отвезут нас по домам.

Пойдем уже, – поторопила я, охваченная нетерпением.

Тиффани вытащила телефон и взглянула на экран.

– За мной заедет отец, – сказала она быстро. Пожалуй, слишком быстро: за это время невозможно было прочитать сообщение. – Я подожду здесь. Спасибо, что предложили подвезти, но лучше уж я дождусь папу. А не то он будет бес-

покоиться.

– Чего вы там копаетесь? – раздался откуда-то издалека крик Джиджи. – Давайте быстрее!

Мой смартфон снова зазвонил. Энко. Я посмотрела на Тиффани и приглашающе махнула в сторону машины, но та покачала головой и снова посмотрела на телефон. Что ж, не хочет – как хочет. Я отвернулась и направилась к Джиджи с Джеммой, на бегу отвечая на звонок.

– Ты где? – рявкнул Энко.

– Сажусь в машину к родителям Джиджи. Они отвезут меня домой. А ты где?

– В общаге, – уже спокойнее сказал Энко. – Занимался.

– Что это? Ну, там, в небе?

Некоторое время Энко молчал.

– Понятия не имею, но мне это не нравится.

Было так шумно, что мне пришлось прижать телефон к уху, чтобы расслышать, что он говорит.

– В смысле «тебе это не нравится»?! Тебе больше тысячи лет! – громко возмущилась я, не заботясь о том, что меня услышат. В царящей вокруг суматохе вряд ли кто-нибудь обратит внимание на мои слова. – Ты должен с полувзгляда распознавать разные катаклизмы! Что это, комета? Значит, мы все умрем?

– Нет, это не комета. Кометы выглядят иначе, они оставляют за собой огненный хвост. Это можно узнать из телевизора.

– Тогда что это?

– Слушай, – раздраженно сказал Энко. – Я изучаю философию и литературу! Я что, похож на эксперта по астрономии?

– Ну, возможно, ты изучал астрономию в прошлом...

Глубоко вздохнув, Энко ответил:

– Астрономия никогда меня не интересовала. Наука – это не мое. Я люблю изобразительные искусства и...

Тем временем я уже дошла до машины семейства О’Малли. Отец Джиджи распахнул перед нами дверцу, и мы проскользнули на заднее сиденье. Энко рассказывал что-то об «изобразительном искусстве», но я почти ничего не слышала: в салоне было шумно, все разговаривали. Джиджи представила меня своим родителям, и я поздоровалась с ними скупым «здравствуйте».

Энко все говорил и говорил...

– Хорошо, – перебила его я. – Тогда свяжись с тем, кто в теме. Пожалуйста. Думаешь, это как-то связано с Олимпом?

Мы тронулись с места. Мама Джиджи, сидящая на переднем сиденье, обернулась и вопросительно посмотрела на меня. Я рассмеялась – пронзительно и фальшиво.

– Эм-м-м-м... речь о школьном реферате, – торопливо объяснила я. – Да. Я пишу реферат по древнегреческим богам. В понедельник сдача, и я... эм... я немного нервничаю, потому что еще не закончила... Такие вот дела. – Я снова засмеялась. Это и правда смешно: на Землю вот-вот упадет

комета, с какой стати мне беспокоиться из-за какого-то там реферата?.. Прижав телефон к уху, я сказала: «Я тебе перезвоню», и положила его на колени. Руки у меня подрагивали.

– Да, именно. – Джемма по-дружески пихнула меня в бок. – Вечно ты все доделываешь в последний момент!

– Вот как... Тогда удачи с рефератом, – сказала мама Джиджи, удовлетворившись моим объяснением. Интересно, почему она не удивилась тому, что я переживаю из-за школьного реферата, когда у нас тут апокалипсис?

Движение на улицах Парижа было плотным и хаотичным, но ехали мы достаточно быстро. Родители Джиджи тоже не знали, что за представление разыгралось в небе, поэтому мы слушали радио и как сумасшедшие щелкали по экранам телефонов, пытаясь что-нибудь да разузнать. Это и правда оказалось звездной туманностью, которая возникла из ниоткуда и по какой-то причине приблизилась к Земле. Вокруг царили сумерки, что тоже было напрямую связано с туманностью. Если точнее, она скрыла собой часть Солнца. По сути, мы видим только активное ядро – то есть яркие лучи, – в то время как окружающее туманность темное поле с Земли увидеть нельзя. Судя по всему, темнота накрыла только европейский часовой пояс, она должна исчезнуть, как только Земля повернется немного дальше. Считается, что звездная туманность не представляет опасности. Это природное явление, совсем как солнечное затмение или астероидный дождь. Эта информация нас немного успокоила. Я поделилась с ма-

мой последними новостями, чтобы она не переживала.

Дома работал телевизор. Мы никогда не смотрим телевизор днем, поэтому можно сказать, что ситуация сложилась по-настоящему из ряда вон выходящая. Мама с папой сидели на диване. На улице постепенно светлело.

– Просто невероятно, – сказал папа, заворуженно глядя на экран, по которому крутили репортажи из больших городов. Люди в панике носились по улицам, а в некоторых пригородах даже объявили чрезвычайное положение из-за случаев нападения на магазины.

Я села между родителями. Мама крепко прижала меня к себе, и пакеты с покупками вывалились у меня из рук. Это тоже что-то из ряда вон. Мама одержима порядком и чистотой, поэтому обычно не спускает такое, но сегодня она, кажется, даже ничего и не заметила.

– Как же я рада, что ты дома, – прошептала она и погладила меня по волосам. – Я так волновалась.

Папа потрепал меня по плечу и сказал:

– Хорошо, что родители Джиджи оказались неподалеку. Нужно будет пригласить их на ужин в знак благодарности.

– Хорошая идея, – согласилась мама. – Доктор О’Малли входит в совет директоров PharmaSana AG и соответствует нам по статусу, а значит, нам стоило бы лично познакомиться с ним и его супругой.

Я закатила глаза. Маминому снобизму нет границ.

Ведущий новостей сообщил о том, что несколько чело-

век получили легкие ранения. Погибших, к счастью, не было. Затем на экране возник научный доклад исследовательской группы одного из ведущих университетов астрономии Германии. Ученые утверждали, что звездная туманность не представляет угрозы. Она сгорит в нашей атмосфере, если подойдет слишком близко к планете. Это природное явление, подобное северному сиянию. Эксперты также возложили ответственность за темноту на темный туман, окружавший активное яркое ядро.

Меня охватило облегчение. Зрелище впечатляло и пугало одновременно, и я была рада, что снова могу нормально дышать. Но потом я вспомнила о Тиффани, и у меня снова возникло это странное чувство... Готова спорить, Тиффани знала, что это за явление и что оно не представляет для нас угрозы. Перед глазами возникло ее лицо. Тиффани выглядела грустной и сердитой, но уж точно не напуганной. Она определенно что-то скрывает.

* * *

Стоило миру узнать, что мы столкнулись с безобидным природным явлением, как паника улеглась. Само собой, в интернете появилось множество конспирологов и последователей теории Судного дня, но, к счастью, массовая истерия среди населения прекратилась. По мере приближения вечера туманность скрылась, и около семи солнце выглянуло из-

за туч. Его лучи подействовали на меня умиротворяюще. Я сидела на широком подоконнике у себя в комнате и смотрела поверх крыш на светящийся в небе ярко-оранжевый шар. Пока непонятно, исчезнет ли туманность или нам придется наблюдать ее ежевечерне. Ясно одно: она двигается вокруг планеты, а не к ней. Это меня успокоило, как, впрочем, и моих родителей, которые предпочитали полагаться на научные сведения, а не паниковать.

Энко написал, что концерт все равно состоится, и я решила – почему бы не пойти? Северное сияние, звездная туманность... Какая, в общем-то, разница? Главное, чтобы небо не упало на голову. Поначалу мама была против, но, узнав, что концерт будет проходить в лицее Людовика Великого, пошла мне навстречу. Готова поспорить, в катакомбы она бы меня не отпустила. Мама настояла на том, чтобы я поехала с Жаком. Иными словами, меня нужно провожать и встречать, как маленького ребенка. Через некоторое время я сдалась, чтобы вообще выйти из дома.

* * *

В восемь вечера мы с Джеммой, Ноа, Джиджи, Селки и Тиффани встретились перед входом в лицей Людовика Великого.

– Как же я волнуюсь! – прошептала Тиффани. – Я еще никогда не была на настоящем рок-концерте! А ты, значит,

барабанщик?

Она посмотрела на Ноа, и в ее взгляде появилось неприкрытое сомнение. Мы с Джеммой обменялись улыбками, Ноа кивнул со свойственной ему серьезностью.

– Я учился игре на барабанах с пяти лет. Теннис и футбол с волейболом всегда казались мне чересчур однообразными, а в музыке я нашел некое равновесие, – сказал Ноа.

Широко распахнув глаза, Тиффани скользнула взглядом по его тщательно выглаженной рубашке, светлым джинсам и идеально чистым кожаными туфлям, потом посмотрела на лицо и наконец пробормотала:

– Ясненько.

Тиффани повернулась ко мне, и в ее глазах я прочитала невысказанный вопрос: «Это он-то рок-звезда?!»

– Подожди, скоро ты встретишься с Энко, – прошептала я ей на ухо. – Уж он-то оправдает твои ожидания на все сто.

Похоже, Тиффани мне не поверила.

– Я просто обожаю рок! Под него можно зажечь не по-детски! – воскликнул Селки, вильнул бедром и подтолкнул Джиджи. – Правда, Кексик?

«Кексик»? Что я пропустила? Перехватив вопросительный взгляд Джеммы, я незаметно пожала плечами.

– Сто пудов, – кивнула Джиджи, глядя на Селки снизу вверх. Судя по всему, она не возражала против этого прозвища. Уверена, что если бы Селки предложил ей стать ныряльщицей за жемчугом на Бали, она тоже не стала бы возра-

жать. Селки взглянул на Джиджи, улыбаясь во все тридцать два зуба. Похоже, эти двое сражены друг другом наповал.

Сегодня Селки снова надел футболку с шортами, но хоть сменил шлепанцы на кеды. Я, успевшая замерзнуть в своем демисезонном плаще, смотрела на него с завистью.

У Ноа зазвенел телефон, и он взглянул на экран.

– Народ, вы только не злитесь, но мне нужно вернуться и помочь с оборудованием, а не то остальные меня линчуют. К счастью, у меня утешение в виде Джеммы.

Мы решили пойти вместе с Ноа. Поднялся ветер, а я и без того уже околела. Члены школьного совета организовали импровизированный шведский стол в вестибюле школьного театра и подавали напитки. Широкие двойные двери, ведущие в зал, были закрыты, поэтому мы взяли по напитку и принялись ждать, пока нас запустят внутрь. Все разговоры, естественно, были только о звездной туманности.

Вскоре двери открылись, и мы вошли в зал. На заднем фоне звучала тихая музыка. Энко подошел к краю ярко освещенной сцены и присел на корточки, раздавая автографы. Тиффани остановилась – резко, будто наткнувшись на невидимую стену. Она уставилась на сцену, и теперь я увидела у нее в глазах неприкрытый страх.

– Мне нужно уйти, – сказала она срывающимся голосом. – Мне... нужно уйти, я не могу здесь оставаться.

– Что? Почему?

Энко помахал мне, и в следующую секунду Тиффани бро-

силась прочь из зала. Я помахала Энко в ответ, показала на Тиффани и побежала за ней. Джемма и Джиджи с Селки, все еще обсуждавшие астрономический феномен, проводили нас недоуменными взглядами.

– Тиффи! – закричала я ей вслед. – Тиффи, подожди!

Но Тиффани меня не слушала. Эта девчонка оказалась невероятно быстрой! Не увидев ее среди толпившихся в маленьком вестибюле людей, я предположила, что она выбежала на улицу, и рванула к дверям. Лицей Людовика Великого находился в довольно консервативном районе, где вечером жизнь замирает. Стояла мертвая тишина. Казалось, спят даже цветы за аккуратными заборчиками. Вдалеке я разглядела свет от автобусных фар. Видимо, это тот самый автобус, который останавливается на остановке перед школой. Может, Тиффани успела добежать до остановки и села в автобус? Нет, в это верится с трудом. Я направилась вдоль улицы. Ставни почти везде уже были закрыты, за зашторенными окнами горел свет. Небо затянул плотный слой облаков, из-за чего было темнее, чем обычно в это время. На улицах было пустынно: видимо, из соображений безопасности люди сидели по домам.

– Тиффи! – позвала я, но ответа не получила. – Тиффи!

Я остановилась перед узкой улочкой. Когда-то здесь была дверь, ведущая в дом в стиле модерн, но теперь ее замуровали. Возле стены находились аккуратные мусорные баки, вдоль которых стояли цветочные горшки. Судя по всему,

улочка вела в сад, один на два дома. Я увидела, как в темноте что-то засветилось.

– Тиффи, что случилось? Я могу чем-нибудь помочь?

До меня донеслись сдавленные рыдания. Я подошла ближе. Тиффани пряталась за кустом рододендрона. Ее плечи дрожали. В руках она держала телефон.

– Я вызвала такси, – сказала она. – Мне надо домой.

– С твоими родителями что-то случилось?

Тиффани покачала головой, и ее плечи снова задрожали. Она поспешно повернулась ко мне спиной. Казалось, ей было неловко из-за того, что я увидела ее слезы.

– Я просто хочу поскорее уехать отсюда.

– Что случилось, Тиффи? Мы что-то сделали не так?

– Нет, – сдавленно прошептала она. – Ливия, пожалуйста... уходи. Я не могу так...

– Но Тиффи... – Я подошла поближе и осторожно взяла Тиффи за плечо. В следующую секунду она развернулась, сбрасывая мою руку.

– Уйди, я сказала! – крикнула она.

И тогда я увидела это снова. У Тиффани за спиной выросли огромные иссиня-черные крылья. Они были так близко, что я ощутила исходящее от них дуновение. Так близко, что я увидела: они покрыты не перьями, а огромными блестящими чешуйками. Я с ужасом уставилась на Тиффани. В глазах у нее плясал огонь.

Глава 5

Брат и сестра

Понимание пришло как удар, и у меня перехватило дыхание. Мне знакомо это пламя! Оно появляется у Энко в глазах, когда тот злится. Маэль ожидал, что я увижу это пламя у него в глазах. Адское пламя вечно горящих огней Тартара.

Спотыкаясь, я сделала несколько шагов назад. Тиффани была окутана пеленой серого тумана, ее темные волосы переливались, как драгоценные камни, а крылья едва заметно трепетали. Она стояла и ничего не говорила. Просто смотрела на меня. Ее бил крупная дрожь.

– Кто ты такая? – воскликнула я, когда ко мне вернулся дар речи.

– Ливия! – донеслось откуда-то с главной улицы. Энко. Видимо, он шел на мой крик. В переулке слышались шаги, тяжелые сапоги гулко застучали по асфальту. Мне не хотелось подставлять спину Тиффани – или кто она там, – но я все равно обернулась. Энко уже переоделся для выступления – или, если точнее, разделся. Покрытый руническими татуировками торс, цепи, свисающие с шеи... Он стоял не шевелясь и смотрел мимо меня на Тиффани. У него на скуле дернулся желвак, и под ногами запылал огонь. Земля словно превратилась в бурлящую магму. В руках у Энко возникли

огненные шары, а в глазах загорелось адское пламя.

– Кто ты такая? – прорычал он.

Сейчас Энко казался живым воплощением ада, но во взгляде у него читалась растерянность. Я сделала шаг в сторону, чтобы не попасть под огонь, и замороженно переводила взгляд с Энко на Тиффани, словно наблюдая за теннисным матчем. На меня никто не обращал внимания. Не ответив, Тиффани взмахнула своими крыльями, будто собиралась улететь.

– Даже не думай об этом, – тихо сказал Энко. – Я поджарю тебе крылышки раньше, чем ты оторвешься от земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.